DK
262
.A2x
no.2

Ав Погорелова.

Цѣна 15 коп.

Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

во Франціи и Германіи.

Переводъ В. Перовой

подъ редакціей и съ предисловіемъ

Г. ПЛЕХАНОВА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„БУРЕВѢСТНИКЪ“

ОДЕССА. — 1905

ТИП. И. КОПЕЛЬМАНА, ОДЕССА

А. В. Пигорова.

Цѣна 15 коп.

Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

во Франціи и Германіи.

Переводъ В. Перовой

подъ редакціей и съ предисловіемъ

Г. ПЛЕХАНОВА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„БУРЕВѢСТНИКЪ“

ОДЕССА. — 1905

ТИП. И. КОПЕЛЬМАНА, ОДЕССА

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

DK
262
.A2x
no. 2

Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.

Крестьянскій вопросъ
во Франціи и Германіи.

Переводъ В. ПЕРОВОЙ

подъ редакціей и съ предисловіемъ

Г. Плеханова.

Книгоиздательство „БУРЕВѢСТНИКЪ“.

ОДЕССА. 1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 11 іюля 1905 года.

ОДЕССА 1905.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателя работа Энгельса, какъ и всѣ произведенія этого автора, не нуждается ни въ какихъ рекомендаціяхъ, но полезно будеть сдѣлать по ея поводу нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

По нѣмецки она была напечатана въ № 10 «Neue Zeit» за 1894 годъ. Со времени ея появленія въ разныхъ капиталистическихъ странахъ вышло довольно много оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ изслѣдованій о положеніи крестьянства. Въ виду этого можетъ иной читатель, пожалуй, предположить, что она устарѣла. Но такое предположеніе было бы ошибочно. Новыя изслѣдованія, пролившія не мало свѣта на аграрный вопросъ, въ общемъ, вполнѣ подтвердили взглядъ Энгельса на положеніе мелкаго крестьянина при господствѣ капитализма. Правда, вѣроятныя соціальныя послѣдствія этого положенія представлялись нашему учителю, повидимому, не совсѣмъ такими, какими они намъ кажутся теперь. Онъ съ увѣренностью говорилъ о томъ, что мелкая крестьянская собственность осуждена на исчезновеніе. Но факты, обнаруженные новыми изслѣдованіями, показали, что подъ вліяніемъ очень многихъ и очень сложныхъ причинъ,—а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ такъ называемаго сельско-хозяйственнаго кризиса,—процессъ исчезновенія мелкой крестьянской собственности мѣстами (напримѣръ, во Франціи) становится очень медленнымъ, а мѣстами (напримѣръ, въ Германіи) и совсѣмъ прекращается. Защитникамъ капитализма и поющимъ съ ихъ голоса «ревизіонистамъ» это безспорное обстоятельство подало поводъ утверждать, что «Марксова догма» была опровергнута жизнью, по крайней мѣрѣ въ ея отношеніи къ земледѣлію. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробный разборъ этого

мнѣнія и потому отсылаемъ читателя къ сочиненіямъ: Каутскаго (die Agrarfrage, Stuttgart, 1899), Вендервельда (La proprieté foncier, en Belgique. Paris, 1900; Essais sur la question agraire en Belgique. Paris, 1903), Саймонса (The american farmer. Chicago, 1902); Кживицкаго (Kwestja Rolna. Warsawa, 1903) и, наконецъ, въ нашей «Зарѣ», гдѣ было напечатано нѣсколько критическихъ статей и библіографическихъ замѣтокъ, посвященныхъ новѣйшей литературѣ по аграрному вопросу. Мы скажемъ здѣсь лишь слѣдующее. Во-первыхъ, замедленіе и,—какъ частный случай замедленія, — остановка процесса исчезновенія мелкой крестьянской собственности есть слѣдствіе такихъ явленій общественно-экономической жизни, которыя сами, какъ нельзя лучше и какъ нельзя больше, подтверждаютъ справедливость Марксова ученія о развитіи капиталистическаго общества. Поэтому, какъ нельзя болѣе странно считать его доводомъ противъ этого ученія. Шаръ, наполненный водородомъ, подымается вверхъ, а не падаетъ на землю. Это—фактъ. Но что онъ означаетъ? То ли, что на этотъ шаръ не распространяется дѣйствіе закона тяготѣнія? Наоборотъ: только его дѣйствіемъ и можетъ быть объяснено движеніе шара. Вотъ то же и съ мелкой крестьянской собственностью. Ея судьба только тогда и станетъ понятной, когда мы примемъ во вниманіе ростъ капитализма, въ свою очередь лучше всего объясняемый именно съ помощью ученія Маркса.

Значитъ, говоря вообще, защитникамъ капитализма и идущимъ у нихъ на пристяжкѣ «ревизіонистамъ» ликовать все таки нечего: ученіе Маркса въ общемъ остается нимало не поколебленнымъ. Но это еще не все. Даже и въ томъ, что касается аграрныхъ отношеній, судьба мелкаго крестьянскаго землевладѣнія колеблетъ ученіе Маркса несравненно меньше, чѣмъ это дѣлаютъ люди, во что бы то ни стало желающіе объявить его поколебленнымъ.

Эти люди приписываютъ автору «Капитала» ту мысль, что въ капиталистическомъ обществѣ концентрація поземельной собственности неизбѣжна по самой природѣ капиталистическаго развитія. Но Марксъ нигдѣ не высказывалъ такой мысли. Въ качествѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ діалектиковъ XIX столѣтія онъ превосходно зналъ, что въ общественной экономіи, какъ и повсюду, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣстъ. Въ 1850 году онъ,—въ рецензіи на книгу Э. де-Жирардена: «Le Socialisme et l'umport», —писалъ, что если во Франціи уже началась концентрація

мелкаго землевладѣнія, то въ Англіи крупное землевладѣніе гигантскими шагами идетъ къ новому раздробленію. Это мало похоже на вульгарное представленіе объ относящейся къ землевладѣнію и земледѣлію «догмѣ Маркса». Но къ этому онъ, —какъ будто затѣмъ, чтобы не оставалось уже ровно никакого сомнѣнія на счетъ его взгляда,—прибавлялъ, что пока существуютъ буржуазныя производственныя отношенія, земледѣліе должно постоянно переходить отъ концентраціи къ раздробленію и наоборотъ. Мы очень просимъ читателя запомнить это [1]). Если бы теперь въ какой-нибудь капиталистической странѣ въ самомъ дѣлѣ начался переходъ отъ крупной поземельной собственности къ мелкой, то и въ этомъ случаѣ мы должны были бы сказать, что передъ нами происходитъ одно изъ тѣхъ явленій, возможность которыхъ въ капиталистическомъ обществѣ была указана Марксомъ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Вотъ только и всего. А отсюда до колебанія его «догмы», какъ до звѣзды небесной, далеко.

Такимъ образомъ,—и вопреки настойчивымъ увѣреніямъ догматиковъ буржуазнаго апологетизма и мелко-буржуазнаго «ревизіонизма»,—вопросъ о томъ происходитъ или не происходитъ въ данной странѣ концентрація землевладѣнія, есть для Маркса вопросъ факта, а вовсе не вопросъ «догмы». На основаніи того, что происходило въ современномъ ему капиталистическомъ обществѣ, Марксъ рѣшалъ впослѣдствіи этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ не только для Франціи, но и для Англіи [2]). А намъ, на основаніи того, что совершается въ наше время, приходится говорить,—какъ мы и сдѣлали выше,—о замедленіи или даже объ обстановкѣ процесса концентраціи поземельной собственности. Не желая противорѣчить истинѣ, мы

---

[1]) Запомнить это нужно. Тѣмъ болѣе нужно, что этого по большей части не знаютъ даже безпристрастные историки идей. Такъ, г. Мишель Оже-Лярибэ ничего не упоминаетъ въ своей интересной книгѣ: „Petite ou grande proprieté? Histoire des doctrines en France sur la repartision du sol et la transformation industrielle de l'agriculture. Monpellier, 1902“. А между тѣмъ, въ ней цѣлая глава посвящена Марксу.

[2]) См., напримѣръ, написанный имъ первый „Манифестъ Международнаго Товарищества Рабочихъ“, гдѣ указывается на то, что въ Англіи и Уэльсѣ въ промежутокъ отъ 1851 г. до 1861 г. число землевладѣльцевъ понизилось съ 16 934 до 15 066, такъ что концентрація землевладѣнія за десять лѣтъ возросла „на одиннадцать процентовъ“. Марксъ замѣтилъ, что если сосредоточеніе землевладѣнія въ немногихъ рукахъ будетъ увеличиваться такъ же быстро, то рѣшеніе поземельнаго вопроса будетъ очень упрощено. Какъ видимъ, онъ выражается осторожно и не даетъ неизмѣнныхъ схемъ.

и не можемъ говорить иначе. Но читателю ясно теперь, что говоря такъ, мы ничуть не расходимся съ Марксомъ: выводъ получается у насъ нѣсколько другой, но методъ остается тотъ же, и тотъ же основной взглядъ на развитіе капиталистическаго общества.

Необходимо помнить, кромѣ того, что факты указываютъ именно только на замедленіе, или, въ крайнемъ случаѣ, только на остановку процесса концентраціи землевладѣнія. Такъ, даже въ Германіи, гдѣ мелкая крестьянская собственность обнаружила наибольшую живучесть и гдѣ разноцвѣтные «критики Маркса» особенно громко поютъ, вопіютъ, взываютъ и глаголятъ о крушеніи «догмы», ими же самими приписанной Марксу, торжество мелкой крестьянской собственности и мелкаго землевладѣнія оказывается весьма и весьма сомнительнымъ. Въ 1882 г. хозяйства, обнимающія отъ двухъ до пяти гектаровъ,—мелкія крестьянскія хозяйства въ собственномъ смыслѣ, — составляли 18,6% общаго числа хозяйствъ; а въ 1895 г. они составляютъ 18,28%. Въ 1882 г. хозяйства этого разряда занимали 9,54% общей земельной площади, а въ 1895 имъ принадлежало 9,57%. Въ 1882 г. на ихъ долю приходилось 10,01% сельско-хозяйственной площади, а 13 лѣтъ спустя 10,11%. Итакъ, число хозяйствъ относительно уменьшилось на 0,32%, но за то общая площадь стала больше (опять—относительно) на 0,03%, а сельско-хозяйственная площадь возросла на 0,1%. Не ошибитесь, читатель. дѣло идетъ именно о десятыхъ и сотыхъ доляхъ процента. Изумительный «прогрессъ», въ прахъ повергающій Маркса! И не забудьте, что этотъ поистинѣ лилипутскій «прогрессъ» самъ въ значительной степени объясняется (напримѣръ, въ Остэльбіи) капиталистическими нуждами крупнаго хозяйства, между тѣмъ, какъ въ промышленно развитыхъ частяхъ имперіи (напримѣръ, въ рейнской и саксонской провинціяхъ Пруссіи) замѣчается даже регрессъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, сопровождаемый ростомъ среднихъ и крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ [1]). Уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ бы вызвать у гг. «критиковъ» опасенія на счетъ дальнѣйшей судьбы «прогрессирующаго» мелкаго хозяйства. Вѣдь промышленно развитыя страны и округи очень часто указываютъ путь, предстоящій менѣе развитымъ стра-

---

[1]) Приведенныя данныя о Германіи заимствованы изъ оффиціальнаго изданія: „Die Landwirtschaft in Deutschen Reich. Statistik des Deutschen Reiches“, Neue Folge, Band 112.

намъ. Но, что прикажете? Гг. «критики» ослѣплены своей «догмой», и съ ними ровнехонько ничего не подѣлаешь.

Франція считается классической страной мелкаго землевладѣнія. Правда, безъ весьма существенныхъ оговорокъ называютъ ее такой страной одни только наивные люди, люди же «себѣ на умѣ» знаютъ, что, въ дѣйствительности, мелкое землевладѣніе играетъ въ ней довольно жалкую роль. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно признаніе г. Эйнара въ засѣданіи палаты депутатовъ 21-го мая 1891 г. «Существуетъ предразсудокъ, —сказалъ онъ,—который я не намѣренъ разбивать потому, что онъ никому не вредитъ и даже приноситъ пользу. Онъ состоитъ въ томъ, что Франція—страна землевладѣльцевъ». Эйнаръ готовъ былъ признать правильность этого опредѣленія, но онъ утверждалъ, что мелкимъ землевладѣльцамъ въ этой счастливой странѣ принадлежитъ только четвертая часть земель, между тѣмъ какъ остальныя три четверти сосредоточены въ рукахъ среднихъ и крупныхъ собственниковъ. И онъ былъ правъ. По даннымъ 1882 г. очень мелкіе собственники—участки которыхъ не превышали одного гектара—составляли во Франціи 38,2% всего числа землевладѣльцевъ, но имъ принадлежало не болѣе 2,2% земельной площади. Мелкіе собственники—отъ одного до десяти гектаровъ—по числу составляли 45,5% а имѣли толькое 22,9% всѣхъ земель. Среднее землевладѣніе доходило до 1,28% числа собственниковъ и 29,9% площади. Наконецъ, крупная поземельная собственность, число которой не превышало 2,5% числа собственниковъ, составляла 45% всѣхъ земель «страны землевладѣльцевъ». Это уже, какъ видимъ, довольно почтенная концентрація. Говорятъ, что съ 1882 г. положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему, такъ какъ мелкая собственность будто бы выиграла и по отношенію къ площади. Но это просто-напросто невѣрно. Въ періодъ 1882—1892 гг. число мелкихъ собственниковъ уменьшилось на 17 472 (было 2 635 030, осталось—2 617 558), а площадь принадлежащихъ имъ земель сократилась на 121 520 гектаровъ. Въ виду огромнаго числа мелкихъ собственниковъ во Франціи, такое уменьшеніе надо признать незначительнымъ; но при всей своей незначительности оно все таки есть уменьшеніе а совсѣмъ не увеличеніе. Въ указанный промежутокъ времени увеличеніе замѣчалось въ разрядахъ крупнаго землевладѣнія съ одной стороны и очень мелкаго съ другой. Число очень мелкихъ собственниковъ поднялось съ 2 167 667 до 2 235 405, а пространство принадлежащей имъ земли съ 1 083 833 до 1 327 253 гектаровъ. Но

что это за «землевладѣльцы»? Если уже мелкій собственникъ, имѣющій въ среднемъ менѣе пяти гектаровъ, часто лишенъ возможности существовать обработкой собственнаго участка и вынужденъ продавать свою рабочую силу тому или другому предпринимателю, то очень мелкій[1]) собственникъ, на долю котораго достается въ среднемъ менѣе полугектара, получаетъ отъ своей земли лишь малую часть дохода, а остальную, наибольшую часть, долженъ добывать работой по найму, если только у него нѣтъ,—а это бываетъ крайне рѣдко,—какихъ нибудь побочныхъ и болѣе богатыхъ источниковъ дохода. Замѣтимъ еще, что такъ какъ число подобныхъ «землевладѣльцевъ» простирается во Франціи до необыкновенно внушительной цифры: 2 235 405, то ихъ, вопреки очень полезному... для буржуазіи предразсудку о томъ, что Франція есть страна землевладѣльцевъ,—приходится признать почти-пролетаріями, интересы которыхъ въ сущности совпадаютъ съ интересами полныхъ пролетаріевъ, занятыхъ въ промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ. Пролетарская программа, отстаивающая интересы наемнаго труда и стремящаяся къ замѣнѣ капиталистическихъ отношеній производства соціалистическими, имѣетъ для нихъ несравненно больше значенія, чѣмъ мелко-буржуазная программа, силящаяся съ помощью тѣхъ или иныхъ заплатъ оградить интересы мелкой собственности. Но какъ бы тамъ ни было, а неоспоримо то, что ростъ числа этихъ, будто бы, землевладѣльцевъ ничего не имѣетъ общаго съ ростомъ землевладѣнія крестьянскаго въ настоящемъ смыслѣ этого слова. А если къ этому прибавить, что съ 1882 по 1892 г. крупная собственность увеличилась на 197 300 гектаровъ, то сдѣлается совершенно ясно, что данныя французской статистики плохо способствуютъ ниспроверженію «Марксовой догмы».

Во всѣхъ странахъ капиталистической Европы сельскохозяйственный кризисъ, вызванный ростомъ международнаго капитализма, привелъ къ пониженію доходности и,—какъ это само собою разумѣется—цѣнности земель. Вслѣдствіе этого, капиталистамъ,—за немногими исключеніями,—нѣтъ выгоды вырывать землю изъ рукъ крестьянина и приниматься за ея непосредственную эксплуатацію. Капиталъ,—опять таки, за

---

[1]) Разряды: очень мелкій, мелкій и крупный собственникъ установлены оффиціальной французской статистикой, изъ которой и заимствованы приведенныя нами данныя о движеніи поземельной собственности во Франціи въ 1882—1892 гг.

нѣкоторыми исключеніями,—лучше обдѣлываетъ свои дѣла, оставляя ее въ рукахъ мелкаго производителя, но зато выжимая этого послѣдняго, какъ губку. Отсюда происходитъ одно изъ двухъ. Или,—какъ мы сказали выше,—замедляется процессъ экспропріаціи крестьянина, или крестьянинъ лишается своихъ правъ собственности на землю въ пользу капиталиста, но за то продолжаетъ ее обрабатывать въ качествѣ арендатора. Этотъ послѣдній случай мы видимъ въ Бельгіи, и, какъ кажется, въ Голландіи, гдѣ число мелкихъ арендаторовъ чрезвычайно сильно растетъ по отношенію къ числу крестьянъ, обрабатывающихъ свои собственные участки [1]). Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что, задерживая процессъ исчезновенія мелкаго производителя, сельско-хозяйственный кризисъ въ то же время увеличиваетъ косвенную зависимость этого производителя отъ капитала. Достаточно небольшого размышленія для того, чтобы понять, что ростъ косвенной зависимости производителей отъ капитала не имѣетъ того общественно-революціоннаго значенія, какое свойствено увеличенію прямой ихъ зависимости отъ него въ процессѣ производства. Стало быть, сельско-хозяйственный кризисъ замедляетъ процессъ революціонизированія производительныхъ отношеній въ земледѣліи. Впрочемъ, мы выражаемся не совсѣмъ точно. Надо говорить такъ: сельско-хозяйственный кризисъ до сихъ поръ замедлялъ этотъ процессъ. А какъ будетъ дальше, это еще неизвѣстно, и есть нѣкоторыя основанія думать, что современемъ онъ не станетъ замедлять и начнетъ ускорять его. Думать такъ намъ даетъ поводъ та же Бельгія, гдѣ не только происходитъ относительное увеличеніе числа арендаторовъ, но съ 1880 года замѣчается уменьшеніе числа мелкихъ хозяйствъ (до пяти гектаровъ) и увеличеніе болѣе крупныхъ (свыше десяти гектаровъ). «Съ 1880 г. произошло противоположное тому, которое происходило отъ 1876 г. до 1880 г., когда число мелкихъ хозяйствъ значительно увеличилось, между тѣмъ, какъ число крупныхъ значительно уменьшилось. Въ настоящее время мелкая поземельная собственность исче-

---

[1]) Въ 1880 г. въ Бельгіи 65,1% обрабатываемой площади обрабатывалась арендаторами; въ 1895 г. въ рукахъ арендаторовъ было уже 68,9% той же площади. (См. Em. Vandervelde. La proprieté fonciere en Belgique, p. 274). Въ Голландіи въ 1885 г. собственники обрабатывали только 59,53% всей земли, приходящейся на хозяйства, обнимающія болѣе одного гектара (для болѣе мелкихъ хозяйствъ данныхъ нѣтъ); въ 1895 г.—только 57,41%. (См. четвертый отдѣлъ уже цитированнаго выше 112 тома статистики Германской имперіи, стр. 61).

заетъ передъ крупной[1]). Что, если и въ другихъ странахъ европейскаго материка начнется подобное же движеніе? Тогда вѣдь пропадетъ даже и тѣнь возможности оспаривать «Марксову догму».

Но это все таки дѣло будущаго. А теперь мы замѣтимъ, что хотя косвенная зависимость производителей отъ капитала далеко не такъ революціонизируетъ ихъ головы, какъ прямая, но отъ этого ихъ экономическое положеніе не дѣлается легче. Даже и оставляя землю въ рукахъ крестьянина—собственника или арендатора—капиталъ изъ приносимаго его дохода беретъ себѣ доли, соотвѣтствующія рентѣ и прибыли, оставляя производителю, своимъ трудомъ создающему этотъ доходъ, не болѣе, а иногда даже и менѣе, того, что соотвѣтствуетъ заработной платѣ. Поэтому и «самостоятельный» мелкій крестьянинъ очень часто является такимъ же по существу, но только гораздо менѣе сознательнымъ, невольникомъ капитала, какъ и фабричный рабочій[2]). Гг. «критики Маркса» обнаруживаютъ огромную наивность или неслыханный цинизмъ, когда умиляются устойчивостью мелкихъ хозяйствъ. Устойчивость эта покупается страшно дорогою цѣною. На этотъ счетъ англійская коммиссія, занимавшаяся изученіемъ причинъ сельско-хозяйственнаго кризиса, занесла въ свои доклады много очень поучительныхъ свидѣтельствъ. Въ Англіи въ періодъ 1885—1895 г. нѣсколько уменьшились по числу и по занимаемой ими площади крупныя фермы (занимающія больше 300 акровъ, т. е., 120 гектаровъ) и мелкія (до 20 акровъ, т. е., 8 гектаровъ), среднія же фермы, по размѣрамъ своимъ заключающіяся между указанными предѣлами, нѣсколько увеличились и по числу и по площади. Въ низшемъ разрядѣ этихъ среднихъ фермъ встрѣчается, впрочемъ, не мало такихъ, которыя не прибѣгаютъ къ наемному труду, обходясь собственными силами фермерскихъ семействъ. Каково же живется обладателямъ такихъ семействъ? Нѣкоторые свидѣтели, выслушанные сельско-хозяйственной коммиссіей, говорили, что они меньше всѣхъ остальныхъ пострадали отъ кризиса, но изъ показаній другихъ свидѣтелей видно, что это не совсѣмъ

---

[1]) Annuaire statistique de la Belgique, tome XXX, p. XL.

[2]) Относительно французскаго крестьянина Марксъ указываетъ на это еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ: „Крестьянская парцелла стала лишь предлогомъ, позволяющимъ капиталистамъ извлекать изъ земли прибыль, проценты и ренту, не заботясь о томъ, не останется ли на долю землевладѣльца, хотя бы одна заработная плата“. (Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, переводъ Б. Кричевскаго, стр. 113).

вѣрно. Такъ, мистеръ Раулэндсонъ замѣтилъ, что «на первый взглядъ болѣе мелкіе фермеры, имѣющіе свои собственныя фермы и обрабатывающіе ихъ безъ наемныхъ рабочихъ, пострадали менѣе другихъ; но если вы глубже вглядитесь въ дѣло, то вы найдете, что ихъ сыновья не получаютъ заработной платы, довольствуясь одеждой и небольшими карманными деньгами, и я не думаю, что многіе изъ нихъ находятся въ такомъ хорошемъ положеніи, какъ годовые рабочіе» [1]). Ц. Е. Ридъ сказалъ, что единственный способъ, посредствомъ котораго мелкіе фермеры удерживаются на своихъ позиціяхъ, состоитъ въ томъ, «чтобы работать за двоихъ рабочихъ, а тратить не себя не больше, чѣмъ тратитъ одинъ». По его словамъ, дѣти такихъ фермеровъ хуже воспитаны и трудятся больше, чѣмъ дѣти наемныхъ рабочихъ [2]). М. Фоксъ находилъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ отъ кризиса «пострадала не земля (sic!), а сыновья и дочери фермеровъ, отдающіе дѣлу обработки лучшія свои силы, но не получающіе никакого вознагражденія въ настоящемъ и имѣющіе лишь слабую надежду на него въ будущемъ». М. Фоксъ очень осмотрительно прибавилъ: «Будущее покажетъ, долго ли они при такихъ условіяхъ сохранятъ желаніе оставаться у своихъ родителей» [3]). М. Гопъ, говорившій о положеніи крупныхъ и мелкихъ фермеровъ въ Роксбургѣ и въ девяти другихъ шотландскихъ графствахъ, показалъ, что мелкіе фермеры обыкновенно платятъ за каждый акръ нанимаемой ими земли больше, чѣмъ крупные, и что, по собственнымъ словамъ этихъ фермеровъ, при такой высокой рентѣ они не могли бы сводить концы съ концами, если бы обязаны были оплачивать по рыночной цѣнѣ трудъ своихъ семействъ. Многіе фермеры этой мѣстности утверждали, что ни сами они, ни ихъ семейства совсѣмъ не имѣютъ какого нибудь опредѣленнаго времени для работы, а работаютъ отъ разсвѣта до ночи, и что даже поступая такъ, они лишь съ величайшимъ трудомъ сводятъ концы съ концами [4]). М. Беллъ заявилъ, что по его мнѣнію, матеріальное положеніе мелкихъ фермеровъ хуже, чѣмъ положеніе рабочихъ, а м. Макъ-Киппель выразилъ сомнѣніе въ томъ, «чтобы имъ жилось лучше, чѣмъ обыкновеннымъ пахарямъ» [5]). Словомъ, мы едва ли преувеличимъ, если срав-

---

[1]) Royal Commission on Agricultur, Final Report, London, 1897. p. 34.
[2]) Тамъ же, та же страница.
[3]) Тамъ же, стр. 35.
[4]) Тамъ же, та же страница.
[5]) Тамъ же, стр. 36.

нимъ этихъ независимыхъ хозяевъ съ пролетаріями, испытывающими на себѣ прелести «потогонной системы» (Sweating system). Недаромъ нѣкоторые свѣдущіе люди называютъ мелкое фермерство британскимъ рабствомъ (british slavery) [1]). Теперь и рѣшайте, правъ ли былъ Энгельсъ, говоря, что при нынѣшнемъ положеніи всемірнаго хозяйства упрочивать положеніе мелкихъ производителей, значитъ—укрѣплять ту цѣпь, на которой они сидятъ. Намъ возразятъ, пожалуй, что положеніе мелкаго англійскаго фермера именно тѣмъ и худо, что они работаютъ не на собственной землѣ, а потому обязаны платить ренту. Но, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ случаяхъ рѣчь шла именно о собственныхъ фермахъ, а во-вторыхъ, въ томъ то и дѣло, что крестьянинъ-«собственникъ» европейскаго материка рѣдко свободенъ отъ платы ренты, которая носитъ только иное имя, называясь процентами на денежный капиталъ, занятый имъ у частнаго лица или въ гипотечномъ банкѣ. Энгельсъ указывалъ на тяжелую зависимость этого крестьянина отъ ростовщика. Справедливость этого указанія вполнѣ подтверждается новыми изслѣдованіями. Для примѣра, укажемъ хоть на книгу Блондэля, который пишетъ: «Надо пожить въ нѣмецкихъ деревняхъ, чтобы составить себѣ понятіе о тираніи ростовщиковъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; нужно видѣть ростовщика на дѣлѣ, чтобы понять, до какой степени вѣрно, что крестьянинъ сталъ его вещью. Его вполнѣ позволительно сравнить съ паукомъ, притаившимся въ углу своей паутины и бросающимся на муху, сдѣлавшую неосторожное движеніе! Средневѣковое крѣпостничество не было хуже гнусной зависимости, подъ игомъ которой стонетъ задолжавшійся крестьянинъ. Постоянно тяготѣющая надъ нимъ угроза разбиваетъ всю его энергію [2]). Конечно, развитіе кредита подрываетъ тиранію ростовщика. Но одинъ французскій экономистъ давно уже и справедливо замѣтилъ, что кредитъ совсѣмъ не спасаетъ, а, напротивъ, убиваетъ поземельную собственность, и это особенно справедливо именно теперь, когда сельско-хозяйственный кризисъ такъ сильно даетъ себя чувствовать землевладѣльцамъ. Достаточно вспомнить о ростѣ гипотечныхъ долговъ.

Было время, когда долги эти переносились довольно легко поземельной собственностью западной Европы. То было тогда,

---

[1]) Тамъ же, стр. 36.

[2]) Etudes sur les populations agraireste l'Allemagne de la crise agricole. Paris, 1897, pp. 395—396.

когда цѣны росли на сельско-хозяйственныя произведенія и когда вызванное этимъ увеличеніе доходности земель вело къ уменьшенію хозяйства. Такъ продолжалось съ тридцатыхъ до конца семидесятыхъ годовъ, когда началось паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. Чѣмъ ниже падали цѣны, тѣмъ болѣе понижалась доходность земель и тѣмъ большую долю дохода составляли подлежащіе уплатѣ проценты по гипотечному займу. Вслѣдствіе этого, положеніе землевладѣльцевъ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, а затруднительность ихъ положенія побуждала ихъ къ новымъ займамъ. И вотъ мы видимъ, что гипотечные долги безпрерывно возрастаютъ. Въ Пруссіи въ теченіе семи лѣтъ 1886/7—1892 (93) гипотечный долгъ увеличился на 1093,05 милліоновъ марокъ [1]). И замѣчательно, что, по крайней мѣрѣ въ Германіи, въ послѣднее время особенно быстро растетъ именно задолженность мелкаго землевладѣнія. Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что крупное землевладѣніе уже раньше дошло почти до послѣдняго предѣла задолженности, такъ что ему очень трудно теперь двигаться дальше въ этомъ направленіи; но если бы это было и такъ, то судьба все болѣе и болѣе обременяемой теперь долгомъ мелкой поземельной собственности отъ этого не стала бы болѣе обезпеченной. Неоспоримымъ остается тотъ фактъ, что въ нынѣшнемъ обществѣ земледѣліе попадаетъ въ большую и большую зависимость отъ промышленности, а мелкій сельскій хозяинъ отъ капитала. И именно поэтому и въ той же мѣрѣ остается неоспоримой та мысль Энгельса, что только антисемиты и имъ подобные шарлатаны могутъ выставлять программу, сулящую золотыя горы мелкому крестьянину, какъ таковому. Пока существуетъ капиталистическое общество, не будетъ такой силы, которая смогла бы избавить мелкаго производителя отъ бѣдъ, неизбѣжно вызываемыхъ развитіемъ этого же общества. Поэтому соціаль-демократы, не желающіе покупать избирательные успѣхи цѣною обмана избирателей, должны прямо поставить мелкому крестьянству на видъ, что избавленіе принесетъ ему только революція пролетаріата, которая положитъ конецъ господству капиталистическихъ производительныхъ отношеній. Крестьянинъ, усвоившій себѣ это убѣжденіе, всегда будетъ желаннымъ товарищемъ рабочаго. Но, усваивая себѣ это убѣжденіе, крестьянинъ покидаетъ точ-

---

[1]) См. статью фонъ-деръ-Гольца „Hipothekenschulden“ въ первомъ томѣ „Wörterbuch der Volkswirtschaft“, стр. 1076—77 и его же „Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik Iena, 1899“, S. 44.

ку зрѣнія своего собственнаго класса и становится на точку зрѣнія пролетаріата.

Защитники существующаго порядка вещей долго питали себя надеждой, что мелкій крестьянинъ совершенно не способенъ проникнуться этимъ убѣжденіемъ. Дѣйствительность показываетъ, однако, что эта отрадная надежда была не вполнѣ основательна. Нѣмецкая соціаль-демократія не имѣетъ, какъ это всѣмъ извѣстно, особой программы «для крестьянъ»; тѣмъ не менѣе, она начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе и сочувствіе земледѣльческаго населенія, что ясно и хорошо обнаруживается статистикой прошлогоднихъ выборовъ въ рейхстагъ [1]). Ея пріобрѣтенія здѣсь еще сравнительно не велики, но,—какъ говоритъ Энгельсъ въ предлагаемой брошюрѣ,—соціаль-демократіи, по самой сущности дѣла, нельзя было ожидать здѣсь быстрыхъ успѣховъ. То, что удалось завоевать ей въ чисто земледѣльческихъ округахъ, важно больше, какъ симптомъ, ясно показывающій, что и нѣмецкая деревня не застрахована отъ соціализма.

Энгельсъ говоритъ также, что самымъ надежнымъ союзникомъ промышленнаго рабочаго является сельскій пролетарій. Еще недавно въ справедливости этой мысли сомнѣвались довольно многіе соціаль-демократы (особенно въ Бельгіи). Сельскій пролетарій, едва ли не наиболѣе утѣшаемый изо всѣхъ пролетаріевъ и живущій въ условіяхъ наименѣе благопріятныхъ для умственнаго развитія, казался такимъ приниженнымъ, такимъ забитымъ и покорнымъ, что мысль о привлеченіи его подъ соціалистическое знамя представлялась несбыточной. Но капиталистическія отношенія и здѣсь—хотя, конечно, медленнѣе, чѣмъ въ промышленныхъ округахъ,—начинаютъ обнаруживать свою революціонную силу. Въ Италіи, Венгріи и во Франціи сельскій пролетарій и почти-пролетарій—т. е. мелкій крестьянинъ, живущій преимущественно продажей своей рабочей силы,—оказывается гораздо болѣе воспріимчивымъ къ соціалистической пропагандѣ, чѣмъ крестьянинъ, получающій средства къ существованію преимущественно отъ обработки своего участка. О пролетарскомъ характерѣ «крестьянскаго» движенія въ Венгріи и Италіи мы уже говорили въ статьяхъ «Пролетаріатъ и крестьянство», напечатанныхъ въ фельетонахъ «Искры» за 1903 г. Теперь мы отмѣтимъ то, что происходитъ у виноградарей нижняго Ланге-

---

[1]) См. интересную статью Akademikus'a: „Statistische Nachklänge zu den Reichstagswahlen". „Neue Zeit" отъ 19 декабря 1903 г., SS. 368—369.

дока. Въ послѣднее время землевладѣніе сосредоточивается тамъ въ рукахъ крупныхъ предпринимателей, а нѣкогда самостоятельные мелкіе собственники все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе становятся въ положеніе наемныхъ рабочихъ [1]). Сообразно съ этимъ, тамъ возникаютъ организаціи для защиты интересовъ наемнаго труда, и соціалистическія идеи,— хотя, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ въ одностороннемъ видѣ революціоннаго радикализма, — быстро проникаютъ въ деревни. Движеніе лангедокскихъ виноградарей возникло подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ городскихъ рабочихъ. Но это вліяніе стало замѣтнымъ и привело къ серьезнымъ практическимъ послѣдствіямъ только съ тѣхъ поръ, когда въ тамошней деревнѣ возникли капиталистическія отношенія производства [2]).

Подобно виноградарямъ нижняго Лангедока, дровосѣки центральныхъ департаментовъ Франціи также объединяются въ синдикаты и тоже усваиваютъ соціалистическія идеи. Но и они вербуются, главнымъ образомъ, изъ сельскихъ пролетаріевъ и почти-пролетаріевъ [3]). Продавцы рабочей силы и здѣсь ока-

---

[1]) См. интересную работу Ожэ Лярибэ: „Les ouvriers de la viticulture languedocienne et leurs syndicats. Memoires et documents du Musée Social“, novembre, 1903.

[2]) Замѣтимъ, что, по словамъ Ожэ-Лярибэ, мелкій собственникъ, имѣющій менѣе двухъ гектаровъ, можетъ сводить концы съ концами только путемъ постоянной продажи своей рабочей силы. Его „собственность“ служитъ для него источникомъ кабалы. „Въ настоящее время у кого есть клочекъ виноградника, тотъ имѣетъ и долги. Мелкая собственность поденщиковъ ведетъ лишь къ тому, что лишаетъ ихъ независимости, потому что часто они должны тому самому землевладѣльцу, который ихъ нанимаетъ“. Но дѣло тутъ, какъ видно, не только въ долгахъ. „Землевладѣльцы, раскрывшіе передъ нами это достойное жалости положеніе, спрашиваютъ, не лучше ли было бы, если бы рабочій не имѣлъ никакой собственности, потому что во время кризиса онъ страдаетъ не меньше своихъ богатыхъ сосѣдей и лишенъ возможности отлучиться для исканія работы въ другомъ мѣстѣ (Les ouvriers de la viticulture etc. въ Memoires et documents du Musée Social, 1903 № 9, p. 293.

Avis для глубокомысленныхъ экономистовъ, вродѣ цюрихскаго профессора Юл. Пляттера, который въ своихъ Grundlehren der Nationaloekonomie (Berlin 1903, стр. 394—395) насмѣхается надъ Энгельсомъ, утверждавшимъ, что обладаніе собственнымъ домомъ можетъ ослаблять позицію пролетарія въ его борьбѣ съ нанимателями за рабочую плату. Вѣдь собственный домикъ именно привязываетъ рабочаго къ данному мѣсту.

[3]) См книгу Л. Г. Роблэна „Les bucherons du Per et la Nievre, leurs syndicats“. Paris 1903 Русскому читателю мы тѣмъ настойчивѣе рекомендуемъ эту книгу, что она даетъ наглядные примѣры того, какимъ образомъ экономическая борьба родитъ политическое сознаніе въ отсталыхъ слояхъ пролетаріата передовыхъ капиталистическихъ странъ. Эти примѣры могли бы способствовать разрѣшенію фактически важнаго вопроса о томъ, какова можетъ быть и должна быть роль партіи въ воспитаніи пред-

зались болѣе воспріимчивыми къ соціализму, чѣмъ мелкіе собственники.

Странно, поэтому, что до сихъ поръ въ соціалистическомъ мірѣ западной Европы не совсѣмъ исчезло то мнѣніе, что въ деревнѣ мелкій собственникъ скорѣе откликнется на призывъ рабочей партіи, чѣмъ пролетарій. Такое мнѣніе очевидно поддерживается лишь сознательной или безсознательной склонностью къ «ревизіонизму». Люди, твердо держащіеся точки зрѣнія пролетаріата, не могутъ теперь не замѣчать его несостоятельности. Мы съ удовольствіемъ узнали, что на аграрномъ съѣздѣ бельгійской соціалистической партіи, состоявшемся въ концѣ ноября прошлаго года, мнѣніе это, нашедшее себѣ убѣжденнаго защитника въ лицѣ тов. Дебарси, встрѣтило сочувствіе лишь меньшинства делегатовъ, значительное же большинство ихъ приняло рѣшеніе, предложенное Вандервельдомъ и гласящее такъ: «Пропагандисты, дѣйствующіе въ сельскихъ округахъ, никогда не должны упускать изъ виду, что рабочая партія есть, по самому опредѣленію своему, партія класса; что, слѣдовательно, она должна защищать интересы всѣхъ эксплуатируемыхъ, но прежде всего живущихъ въ деревняхъ промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и тѣхъ мелкихъ крестьянъ, условія жизни и труда которыхъ приближаются къ условіямъ существованія наемныхъ рабочихъ». Поясняя предложенный имъ проектъ рѣшенія, тов. Вандервельдъ очень вѣрно замѣтилъ: «Никто не помышляетъ о томъ, чтобы исключить изъ рабочей партіи мелкихъ крестьянъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы опредѣлить, къ какому классу мы должны прежде всего обратиться съ своей пропагандой. И вотъ, я утверждаю: прежде всего къ наемнымъ рабочимъ и къ тѣмъ крестьянамъ, которые приближаются къ нимъ по условіямъ своего существованія». Эта мысль, одобренная, какъ уже сказано, значительнымъ большинствомъ съѣзда, тождественна съ тѣмъ, что говорится въ предлагаемой брошюрѣ Энгельса.

Выходитъ, что для «Запада» брошюра эта до сихъ поръ сохранила свое значеніе. Но читатель спросить насъ, пожа-

---

ставляемаго ею класса. Извѣстно, что у насъ нерѣдко разсуждали объ этой роли самымъ отвлеченнымъ и потому самымъ доктринерскимъ образомъ.

[1]) Книга Роблэна тоже недурно могла бы разъяснить профессору Юл. Пляттеру, какимъ образомъ мелкая собственность нерѣдко ведетъ къ пониженію заработной платы, получаемой собственниками.

луй, какое значеніе можетъ имѣть она для насъ: вѣдь всѣмъ и каждому давно и хорошо извѣстно, что Россія не Западъ.

Отвѣтъ ясенъ. Эта брошюра покажетъ намъ до какой степени не понимаютъ задачъ современнаго соціалистическаго движенія тѣ люди, которые, ссылаясь на то, что въ земледѣліи будто бы не оправдались «предсказанія Маркса» придумываютъ теперь особый крестьянскій «аграрный» соціализмъ. Эти люди въ огромномъ большинствѣ случаевъ находятся въ лагерѣ «ревизіонистовъ» и совсѣмъ не сочувствуютъ революціоннымъ стремленіямъ пролетаріата [1]). У насъ,—не даромъ же «Россія не Западъ»,—крикливыми носителями идей особаго «аграрнаго» соціализма явились люди, именующіе себя соціаль-революціонерами. Но читатель, соціаль-демократъ, прекрасно знаетъ, какъ обстоитъ дѣло съ революціонностью этихъ господъ. Кто-то, если не ошибаемся—тов. Мартовъ,—въ высшей степени мѣтко сказалъ, что ихъ «партія носитъ свое двойное названіе единственно потому, что соціализмъ ея не революціоненъ, а революціонность не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ». Въ самомъ дѣлѣ, по своимъ взглядамъ на аграрный вопросъ въ западныхъ странахъ, эти «революціонеры» солидарны именно съ «ревизіонистами», т. е., съ антиреволюціоннымъ минусомъ западной соціаль-демократіи. Почему это именно такъ? Потому что имъ нельзя сочувствовать революціоннымъ стремленіямъ пролетаріата, не становясь на точку зрѣнія этого класса. А они очень далеки отъ нея. Они стоятъ не на точкѣ зрѣнія пролетаріата, но на точкѣ зрѣнія «всѣхъ вообще трудящихся», къ которымъ принадлежатъ, по ихъ опредѣленію, между прочимъ и самостоятельные мелкіе собственники, живущіе трудами рукъ своихъ и не эксплуатирующіе наемнаго труда. Но въ предлагаемой брошюрѣ Энгельса, справедливо сказано, что мелкій собственникъ этого разряда является теперь пережиткомъ, завѣщаннымъ буржуазному обществу старымъ, докапиталистическимъ способомъ производства. Современный пролетаріатъ былъ вызванъ къ жизни ничѣмъ инымъ, какъ разложеніемъ тѣхъ производственныхъ отношеній, которыя были свойственны этому старому способу. Становиться на точку зрѣнія этихъ отношеній, значитъ,—по выраженію

---

[1]) Читателя, желающаго убѣдиться въ этомъ, отсылаемъ къ очень пухлой, претенціозной и широковѣщательной, но, увы! очень бѣдной содержаніемъ, книгѣ доктора Альфреда Носсига: Die moderne Agrarfrage, Berlin, Bern 1902. Она едва ли не лучше сочиненія „знаменитаго“ г. Бернштейна показываетъ теоретическую несостоятельность и практическій консерватизмъ „ревизіонистскихъ стремленій“.

«Манифеста Коммунистической Партіи»,—стремиться повернуть назадъ колесо исторіи. А точка зрѣнія этихъ отношеній есть именно свойственная «соціалистамъ-революціонерамъ» точка зрѣнія «всѣхъ трудящихся». Вотъ почему и вотъ въ какомъ, совершенно точномъ научномъ смыслѣ слова мы называемъ ихъ соціалистами-революціонерами. Читатель видитъ, что, давая имъ такое имя, мы руководствуемся не полемическимъ задоромъ, а вполнѣ опредѣленными теоретическими соображеніями. При этомъ мы вовсе не думаемъ утверждать, будто они лгутъ, называя себя революціонерами. Нѣтъ, огромное большинство ихъ состоитъ, конечно, изъ искреннихъ людей [1]). Они искренно ненавидятъ существующій общественный и политическій порядокъ и искренно стремятся къ «соціальной» революціи; но они не понимаютъ задачъ и условій этой революціи. Отказываясь стать на точку зрѣнія пролетаріата, они поневолѣ и безъ собственнаго вѣдома становятся на точку зрѣнія мелкой-буржуазіи. Они только терминологіей отличаются отъ мелко-буржуазныхъ партій, выступавшихъ въ революціонныя эпохи на исторической сценѣ западной Европы [2]). А въ сущности, они родные братья тѣхъ французскихъ демократовъ 1848 года, о которыхъ мы встрѣчаемъ у Маркса слѣдующій интересный отзывъ: «Но демократъ, представляющій мелкую буржуазію, т. е., промежуточный классъ, въ которомъ притупляются интересы двухъ различныхъ классовъ, воображаетъ себя выше классовыхъ противорѣчій вообще. Демократы, (какъ и наши соціалисты-реакціонеры) признаютъ существованіе привиллегированнаго класса; но они со всей остальной націей образуютъ народъ («трудящійся классъ» нашихъ соціалистовъ-реакціонеровъ). Они — защитники народныхъ правъ, ихъ интересы—народные интересы. Имъ, поэтому, незачѣмъ наканунѣ борьбы анализировать интересы и положеніе различныхъ классовъ. Имъ незачѣмъ особенно осторожно взвѣшивать свои собственныя средства (извѣстно, что нашимъ с.-р. такое взвѣшиваніе всегда представлялось измѣной революціи). Имъ стоитъ вѣдь только дать сигналъ—и народъ со всѣми своими силами бросится на угнетателей. А если на дѣлѣ ихъ интересы оказываются никому неинтерес-

---

[1]) Ниже читатель увидитъ, почему мы не рѣшаемся сказать это обо всѣхъ безъ исключенія соціалистахъ-реакціонерахъ.

[2]) Да и это отличіе не такъ велико, какъ можно было ожидать. Марксъ говоритъ, что въ Германіи въ сороковыхъ годахъ каждый оппозиціонно-настроенный буржуа называлъ себя соціалистомъ. L'habit ne fait pas le moine.

ными, а ихъ сила—безсиліемъ, то—или въ этомъ виноваты губительные софисты, раздѣляющіе нераздѣльный народъ на различные враждебные лагери (подобно тому, какъ мы, не менѣе губительные соціаль-демократы, подраздѣляемъ народъ на пролетаріевъ и непролетарскіе слои), или армія была слишкомъ обезчеловѣчена, слишкомъ ослѣплена, чтобы не видѣть въ чистыхъ цѣляхъ демократіи свое собственное благо, и какая нибудь деталь въ исполненіи помѣшала всему, или же непредвидѣнная случайность на этотъ разъ разстроила дѣло[1]). Мелко-буржуазные демократы всегда и вездѣ считали свою ограниченность признакомъ широты своихъ соціальныхъ стремленій. Эта психологическая черта какъ нельзя болѣе свойствена нашимъ соціалистамъ-революціонерамъ. Да оно и неудивительно: одинаковыя причины вызываютъ одинаковыя дѣйствія.

Ограниченность, мнящая себя широкой, сама по себѣ комична. Но она доходитъ до геркулесовскихъ столбовъ комизма, когда пытается пересоздать современное ей революціонное движеніе по своему образу и подобію. Конечно, ея усилія заранѣе осуждены на неудачу, подобно тому, какъ были заранѣе осуждены на неудачу реакціонныя стремленія славнаго рыцаря, воспѣтаго Сервантесомъ. Но на нихъ не мѣшаетъ иногда обратить вниманіе, чтобы еще вѣрнѣе оцѣнить тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ. Поэтому, напомнимъ читателю объ одномъ изъ упрековъ, который выставляется соціалистами-реакціонерами противъ аграрной программы нашей партіи. По ихъ словамъ, главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она буржуазна. Но какъ понимать этотъ упрекъ? Думаютъ ли наши противники, что мы и въ соціалистическомъ обществѣ хотѣли бы сохранить частную собственность на землѣ? Нѣтъ, они этого не могутъ думать, если имѣютъ хотя бы малѣйшее понятіе о научномъ соціализмѣ, рѣшительными сторонниками котораго мы были и будемъ: нашей конечной цѣлью является обращеніе въ общественную собственность всѣхъ средствъ производства, а, слѣдовательно, и земли. Мы полагаемъ, что это требованіе,—осуществленіе котораго подготовляется неотвратимымъ ходомъ развитія капиталистическаго общества,—цѣликомъ лежитъ въ интересахъ пролетаріата и вовсе не выражаетъ интересовъ буржуазіи. И, кажется, мы правы. А если это такъ, то въ чемъ же дѣло? По какому случаю шумъ? По тому случаю, что мы не выдумали особой крестьянской соціалистической программы, которая указала

---

[1]) Восемнадцатое Брюмера, стр. 44.

бы намъ путь къ «соціализаціи» земли ранѣе революціи пролетаріата, долженствующей обратить въ общественную собственность всѣ средства производства. А это равносильно требованію осуществить «аграрный» соціализмъ въ буржуазномъ обществѣ. Но кто же можетъ выставить такое странное требованіе? Только тотъ, чей соціализмъ самъ исполненъ буржуазнаго (т. е., собственно, мелко-буржуазнаго) духа. Значитъ, упрекая насъ въ буржуазности, гг. соціалисты-реакціонеры тѣмъ самымъ разоблачаютъ свою собственную буржуазную сущность. Сама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ. Это ли не верхъ комизма?

Гг. соціалисты-реакціонеры и сами чувствуютъ, что съ точки зрѣнія современнаго соціализма дѣло обстоитъ не особенно ладно съ ихъ аграрно-«соціалистическими» требованіями. Это чувство заставляетъ ихъ радостно привѣтствовать всѣ тѣ будто бы критическія замѣчанія, которыя съ голоса буржуазныхъ и реакціонныхъ экономистовъ, направляются «ревизіонистами» противъ марксизма вообще и особенно противъ «Марксовой догмы», въ области аграрнаго вопроса. Тутъ,— какъ и во многихъ другихъ случаяхъ,—они являются самыми естественными и самыми надежными союзниками «ревизіонистовъ», ихъ родными братьями, чѣмъ еще разъ ясно показываютъ, насколько поверхностны и половинчаты ихъ революціонныя стремленія. Они надѣются, что гг. «ревизіонисты» своей «критикой» расчистятъ почву для утопіи, лежащей въ основѣ ихъ аграрнаго соціализма. Эта утопія представляетъ собой наслѣдство, завѣщанное нашему революціонному движенію народническимъ его періодомъ и сводится къ тому, что наша крестьянская община можетъ сдѣлаться исходной точкой для развитія въ сторону соціализма производственныхъ отношеній, существующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ какъ эта ветхозавѣтная утопія, подъ вліяніемъ марксистскаго анализа, давно уже утратила свою первобытную свѣжесть и разлѣзлась по всѣмъ швамъ, то гг. соціалисты-реакціонеры, въ цѣляхъ ея обновленія, судорожно цѣпляются за новую утопію, придуманную «ревизіонистами» и сводящуюся къ вѣрѣ въ чудодѣйственную силу различнаго рода товариществъ, основываемыхъ пролетаріатомъ въ нѣдрахъ капиталистическаго общества. «Ревизіонисты» считаютъ эти товарищества однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ «опустошенія» капиталистическаго порядка. Эти товарищества служатъ имъ однимъ изъ самыхъ главныхъ козырей въ «критикѣ Маркса». «Ревизіонисты» твердятъ, что Марксъ не сумѣлъ

оцѣнить миссію такихъ товариществъ. Но замѣчательно, что на эту «критику» Марксъ отвѣтилъ анти-критикой еще въ такое время, когда огромное большинство гг. «ревизіонистовъ» еще и на свѣтъ не родилось. Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ 1848 г. онъ указывалъ на доктринерскіе эксперименты вродѣ мѣновыхъ банковъ и рабочихъ ассоціацій, вызванныхъ тѣмъ, что разбитый въ 1848 г., пролетаріатъ отказался отъ «мысли революціонизировать старый міръ могучими средствами этого міра въ ихъ совокупности, а стремится къ своему освобожденію—за спиною общества, частнымъ путемъ, въ предѣлахъ ограниченныхъ условій своего существованія» [1]). Хотя сама идея рабочихъ ассоціацій измѣнилась съ тѣхъ поръ, но и до нашихъ дней несомнѣнно то, что практикуемое «ревизіонизмомъ» противопоставленіе ихъ революціонному марксизму вызывается доктринерской узостью мысли и полнымъ отсутствіемъ революціонной энергіи. Но это, конечно, не мѣшаетъ нашимъ соціалистамъ-«революціонерамъ» и въ этомъ случаѣ стоять на сторонѣ «ревизіонистовъ»: полный матеріалъ для оцѣнки истиннаго характера ихъ будто-бы революціонныхъ стремленій.

Соціально «революціонные» публицисты сами замѣчаютъ неловкость своего единомыслія съ «ревизіонистами» и стараются доказать читающей публикѣ, что вѣра въ чудотворную силу товариществъ, долженствующихъ привести къ «соціализаціи» крестьянскаго земледѣлія, послѣ «соціальной» революціи,—которая совершится при сохраненіи товарно-капиталистическаго хозяйства—не чужда и марксистамъ. Тогда мы наталкиваемся при этомъ на изумительныя ссылки. Такъ, напримѣръ, въ № 14 одного журнала напечатано:

«Перемѣна тактики по отношенію къ деревнѣ и крестьянству съ его привязанностью къ землѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ была узаконена даже однимъ изъ отцовъ научнаго соціализма, Ф. Энгельсомъ. Вопреки догмѣ, согласно которой только пролетаризація приведетъ къ соціализму—догмѣ, которая особенно распространена въ Россіи—Энгельсъ призналъ въ статьѣ: «Die Bauernkriege in Frankreich und Deutschland» возможность для крестьянъ врости въ государство будущаго другимъ путемъ. Мы можемъ, говоритъ Энгельсъ, предложить крестьянамъ самимъ вводить крупное производство, но не за счетъ капитала, а за ихъ собственный общественный счетъ. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ на примѣръ датскихъ со-

---

[1]) Восемнадцатое Брюмера, стр. 16.

ціалистовъ и т. д.» Публицистъ ссылается какъ разъ на ту работу Энгельса, которую мы издаемъ теперь въ русскомъ переводѣ. Читатель самъ можетъ судить по этому много-ли правды въ этой ссылкѣ. О датскихъ соціалистахъ Энгельсъ говоритъ только то, что они уже двадцать лѣтъ тому назадъ стали разрабатывать планъ организаціи сельско-хозяйственныхъ товариществъ между мелкими крестьянами. Онъ не высказываетъ своего мнѣнія о томъ, къ чему привели усилія соціалистовъ, ограничиваясь бѣглымъ замѣчаніемъ, что въ Даніи мелкое крестьяское землевладѣніе играетъ второстепенную роль. Что же касается тѣхъ странъ, гдѣ оно распространено очень сильно, то упроченіе и развитіе сельско-хозяйственныхъ товариществъ пріурочивается къ одному непремѣнному условію, о которомъ не счелъ нужнымъ упомянуть этотъ публицистъ: къ захвату власти рабочимъ классомъ, къ диктатурѣ пролетаріата. У Энгельса прямо сказано, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ организація такихъ товариществъ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, при которыхъ общественная власть перейдетъ въ наши руки. И вообще все это разсужденіе является у него отвѣтомъ на вопросъ, какъ отнесемся «мы»—соціаль-демократы—къ мелкому крестьянину въ тотъ день, когда власть достанется намъ. И, какъ бы опасаясь, что его мысль исказитъ какой нибудь мелкій буржуа, стремящійся къ упроченію мелкаго землевладѣнія, Энгельсъ спѣшилъ повторить основную мысль всей своей статьи, заключающуюся въ томъ, что «мы никоимъ образомъ не можемъ дать мелкому крестьянину обѣщанія поддерживать его собственность и его хозяйство противъ превосходныхъ силъ капитализма» [1]).

Въ «партіи» соціалистовъ-реакціонеровъ есть два, очень непохожихъ одинъ на другой, разряда лицъ.

Одинъ изъ нихъ придерживается «древняго благочестія» безъ всякихъ фразъ и откровенно не понимаетъ научнаго соціализма. Міросозерцаніе этихъ людей чуждо всякаго элемента строгаго мышленія, ихъ взгляды очень невелики, но сами они отличаются по большей частью цѣльностью и искренностью. Это—почтенныя тѣни прошлаго, безвозвратно минувшаго времени, по страшному, но въ то же время трогательному недоразумѣнію, вообразившія себя призванными къ новой жизни и къ торжеству надъ соціаль-демократической ересью. Это—недалекіе, но честные фронтовики россійскаго разночин-

---

[1]) См. стр. 14—15 предлагаемой брошюры.

скаго движенія. Другой разрядъ состоитъ изъ лицъ, вкусившихъ отъ древа новѣйшей соціаль-демократической литературы. Они читаютъ Маркса и Энгельса (фронтовики только не соглашались съ этими писателями) «критикуютъ» ихъ съ голоса буржуазной интеллигенціи Запада и съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ, доморощенныхъ предразсудковъ, усердно распространяютъ аграрныя идеи ревизіонистовъ и не менѣе усердно приводятъ фальшивыя цитаты въ подтвержденіе и прославленіе своей эклектической идейной окрошки. Это— софисты соціалистически-реакціонной «партіи». Объ ихъ искренности нельзя говорить иначе, какъ въ насмѣшку.

Чтобы закончить, еще два слова. Въ приложеніи мы помѣщаемъ двѣ страницы изъ книги Энгельса: «Der deutsche Bauernkriege» (Нѣмецкая крестьянская война), написанной имъ въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Достаточно пробѣжать эти страницы, чтобы увидѣть, что у Энгельса и тогда былъ тотъ же самый взглядъ на крестьянство, который высказанъ въ предлагаемой брошюрѣ. Это показываетъ, насколько основательно высказанное публицистомъ «Р. Р.» убѣжденіе о томъ, что ко времени написанія этой брошюры Марксова «догма» подверглась измѣненію въ головѣ Энгельса, который будто бы рѣшился перемѣнить «тактику по отношенію къ деревнѣ». Московскія барышни временъ Фамусова словечка въ простотѣ не говорили: «все съ ужимкой». Цитируемый публицистъ тоже не говоритъ о марксизмѣ ни одного словечка въ простотѣ: все съ пере... иначеніемъ.

Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи.

Буржуазныя и реакціонныя партіи необыкновенно удивлены тѣмъ, что у соціалистовъ вдругъ и повсюду выступаетъ теперь на очередь крестьянскій вопросъ. Онѣ скорѣе должны были бы удивляться тому, что этого не случилось до сихъ поръ. Отъ Ирландіи до Силезіи, отъ Андалузіи до Россіи и Болгаріи крестьянинъ является очень существеннымъ факторомъ населенія, производства и политической силы. Только двѣ западноевропейскія страны составляютъ исключеніе. Въ собственно Великобританіи крупное землевладѣніе и крупное сельское хозяйство совершенно вытѣснили самостоятельнаго крестьянина; въ восточной Пруссіи тотъ же самый процессъ продолжается уже цѣлыя столѣтія, и здѣсь также крестьянинъ или все болѣе и болѣе отрывается отъ земли, или же просто экономически и политически оттѣсняется на задній планъ.

Какъ факторъ политической силы, крестьянинъ до сихъ поръ большею частью проявлялся только своей апатіей, происходящей отъ изолированности сельской жизни. Эта апатія большихъ массъ населенія есть самая сильная опора парламентскаго разврата въ Римѣ и Парижѣ. Но она отнюдь не непреодолима. Со времени возникновенія рабочаго движенія въ западной Европѣ, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ очень мелкая крестьянская собственность, буржуазіи не трудно было вызвать въ крестьянахъ недовѣріе и ненависть къ соціалистическимъ рабочимъ, изображая этихъ послѣднихъ лѣнивыми и жадными горожанами, стремящимися завладѣть крестьянскимъ имуществомъ. Смутныя соціалистическія стремленія февральской революціи быстро были сметены реакціоннымъ голосованіемъ французскихъ крестьянъ: крестьянинъ, дорожившій своимъ покоемъ, вспомнилъ легенду о крестьянскомъ императорѣ Наполеонѣ и создалъ вторую имперію.

Всѣмъ намъ извѣстно, чего стоилъ французскому народу этотъ крестьянскій подвигъ; его послѣдствія чувствуются еще и до сихъ поръ.

Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Развитіе капиталистической формы производства обрѣзало жизненный нервъ мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ; это производство безнадежно рушится и гибнетъ. Конкурренція Сѣверной и Южной Америки и Индіи наводнила европейскій рынокъ дешевымъ хлѣбомъ,—настолько дешевымъ, что никакой мѣстный производитель не можетъ съ нимъ конкуррировать. Крупный землевладѣлецъ и мелкій крестьянинъ оба равно видятъ предъ собою гибель. И, такъ какъ они также землевладѣльцы и сельскіе жители, то крупный землевладѣлецъ бросается защищать интересы мелкаго крестьянина, а крестьянинъ—говоря вообще—принимаетъ эту защиту.

Но тѣмъ временемъ на Западѣ выросла могущественная соціалистическая рабочая партія. Смутныя представленія и чувства временъ февральской революціи прояснились, углубились и расширились до программы, способной выдержать самую строгую научную критику и заключающей въ себѣ опредѣленныя, осязательныя требованія; требованія эти защищались въ нѣмецкомъ, французскомъ и бельгійскомъ парламентахъ все возрастающимъ числомъ соціалистическихъ депутатовъ. Завоеваніе политической власти соціалистической партіей стало дѣломъ обозримаго будущаго. Но для того, чтобы завоевать ее, партія эта должна сначала пойти изъ города въ деревню, должна сдѣлаться сильной въ деревнѣ. Имѣя, сравнительно со всѣми другими партіями, наиболѣе ясный взглядъ на связь экономическихъ причинъ съ ихъ политическими слѣдствіями и уже давно разсмотрѣвъ подъ овечьей шкурой назойливаго друга крестьянъ волчью фигуру крупнаго землевладѣльца, можетъ ли она спокойно оставить осужденнаго на гибель крестьянина въ рукахъ его ложныхъ защитниковъ, пока, наконецъ, онъ не превратится изъ пассивнаго въ активнаго врага промышленнаго рабочаго. А это вводитъ насъ въ самую суть крестьянскаго вопроса.

I.

Сельское населеніе, къ которому мы можемъ обратиться, состоитъ изъ различныхъ элементовъ, различающихся, въ свою очередь, также, смотря по мѣстности.

На западѣ Германіи, такъ же, какъ и во Франціи и въ Бельгіи—преобладаетъ мелкое хозяйство мелкихъ крестьянъ,

которые, въ большинствѣ случаевъ, являются собственниками, въ меньшинствѣ же—арендаторами своихъ клочковъ земли.

На сѣверо-западѣ,—въ нижней Саксоніи и Шлезвигъ-Гольштиніи,—мы видимъ преимущественно крупныхъ и среднихъ крестьянъ, которые не могутъ обойтись безъ батраковъ и батрачекъ и даже поденщиковъ. То же самое, отчасти, и въ Баваріи. Восточная Пруссія и Мекленбургъ представляютъ собой область крупнаго землевладѣнія и крупнаго хозяйства съ дворовыми, батраками и поденщиками; кое-гдѣ встрѣчаются мелкіе и средніе крестьяне, но въ сравнительно слабой и все уменьшающейся пропорціи.

Въ средней Германіи существуютъ всѣ эти формы владѣнія и хозяйства, перемѣшанныя въ различныхъ отношеніяхъ, смотря по мѣстности, безъ рѣзкаго преобладанія той или другой формы на болѣе обширномъ пространствѣ.

Кромѣ того, есть мѣстности различнаго протяженія, гдѣ собственное или арендованное поле не можетъ прокормить семьи, но служитъ только опорой домашней промышленности и устанавливаетъ въ ней необъяснимую иначе низкую заработную плату, которая обезпечиваетъ продуктамъ постоянный сбытъ, несмотря на всю иноземную конкурренцію. Который же изъ этихъ разрядовъ сельскаго населенія можетъ перейти въ соціаль-демократическую партію? Само собой разумѣется, что мы разсматриваемъ этотъ вопросъ только въ общихъ чертахъ его; мы беремъ только рѣзко выраженныя формы; заняться же разсмотрѣніемъ переходныхъ ступеней и смѣшаннаго сельскаго населенія намъ не позволяютъ размѣры статьи.

Начнемъ съ мелкаго крестьянина. Для западной Европы онъ, вообще, является не только самымъ важнымъ изо всѣхъ крестьянъ, но составляетъ также основной элементъ для рѣшенія всего вопроса. Если мы себѣ выяснимъ наше отношеніе къ мелкому крестьянину, то это послужитъ намъ отправнымъ пунктомъ лля опредѣленія нашего отношенія и ко всѣмъ остальнымъ элементамъ сельскаго населенія.

Подъ мелкимъ крестьяниномъ мы разумѣемъ здѣсь собственника или арендатора,—главнымъ образомъ, перваго,—участка земли, обыкновенно не больше того, что онъ въ состояніи обработать силами своей собственной семьи, и не меньше того, сколько необходимо для прокормленія этой семьи. Такой мелкій крестьянинъ, такъ же какъ и мелкій ремесленникъ, есть, слѣдовательно, работникъ, тѣмъ отличающійся отъ современнаго пролетарія, что онъ еще владѣетъ своими средствами производства; слѣдовательно, онъ является

пережиткомъ прежняго способа производства. Отъ своего предка,—крѣпостного, оброчнаго или, въ очень рѣдкихъ исключеніяхъ, свободнаго крестьянина, обязаннаго только платить извѣстныя подати и нести извѣстныя службы помѣщику,—онъ отличается троякимъ образомъ. Во-первыхъ, тѣмъ, что французская революція освободила его отъ феодальныхъ повинностей и обязанностей, которыя онъ долженъ былъ исполнять по отношенію къ своему господину, и въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, на лѣвомъ берегу Рейна, предоставила ему его крестьянское имѣніе въ видѣ свободной собственности. Во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ, переставъ быть членомъ самоуправляющейся поземельной общины, лишился ея поддержки и пользованія ея землями. Эти земли были отняты у крестьянъ частью прежними феодальными господами, частью просвѣщеннымъ бюрократическимъ законодательствомъ, опиравшимся на римское право, и, благодаря этому, современный мелкій крестьянинъ лишенъ возможности кормить свой рабочій скотъ непокупнымъ кормомъ. Въ экономическомъ отношеніи эта потеря общинныхъ земель съ избыткомъ перевѣшиваетъ уничтоженіе феодальныхъ повинностей. Въ третьихъ, современный крестьянинъ отличается утратой половины своей прежней дѣятельности. Раньше онъ самъ производилъ съ своей семьей изъ добытаго имъ самимъ сырого матеріала большую часть тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ онъ нуждался; все остальное доставляли ему его деревенскіе сосѣди, наряду съ земледѣліемъ занимавшіеся ремеслами, причемъ онъ платилъ имъ большею частью или своими собственными издѣліями, или своимъ трудомъ. Семья, а тѣмъ болѣе деревня, удовлетворяла себя сама и производила почти все, что ей было нужно. Это было, можно сказать, чисто натуральное хозяйство, почти совершенно не нуждавшееся въ деньгахъ. Капиталистическое производство положило ему конецъ посредствомъ денежнаго хозяйства и крупной промышленности. Но если пользованіе общинными землями являлось однимъ изъ основныхъ условій его существованія, то другимъ былъ этотъ подсобный промыселъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ падаетъ все ниже и ниже. Налоги, неурожаи, дѣлежи наслѣдства, процессы гонятъ одного крестьянина за другимъ къ ростовщику; задолженность становится все болѣе общимъ явленіемъ и все болѣе тяжелой для каждаго въ отдѣльности,—однимъ словомъ, нашъ мелкій крестьянинъ, какъ и всякій другой пережитокъ прошлаго способа производства, неминуемо осужденъ на гибель. Онъ есть будущій пролетарій.

Въ качествѣ таковаго, онъ долженъ былъ бы съ готовностью открыть уши для соціалистической пропаганды. Но въ этомъ ему пока еще служитъ помѣхой глубоко укоренившееся въ немъ чувство собственности. Чѣмъ тяжелѣе для него становится борьба за свой обремененный долгами клочекъ земли, чѣмъ съ большей силой отчаянія цѣпляется онъ за него—тѣмъ болѣе видитъ онъ въ соціаль-демократѣ, говорящемъ о передачѣ земельной собственности обществу, такого же опаснаго врага, какъ въ ростовщикѣ или адвокатѣ. Какъ же преодолѣть соціаль-демократіи этотъ предразсудокъ? Что можетъ она предложить погибающему мелкому крестьянину, не измѣняя себѣ самой?

Здѣсь мы имѣемъ практическое указаніе къ аграрной программѣ французскихъ соціалистовъ марксистскаго направленія, которая тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что она идетъ изъ классической страны мелкаго крестьянскаго хозяйства. На марсельскомъ конгрессѣ 1892 г. была принята первая программа партіи. Она требуетъ для безземельныхъ сельскихъ рабочихъ (слѣдовательно, батраковъ и поденщиковъ) минимальной заработной платы, установленной промысловыми союзами и общинными совѣтами, сельскихъ промысловыхъ судовъ, состоящихъ наполовину изъ рабочихъ; запрещенія продажи общинной земли; аренды государственныхъ земель общинами, которыя должны сдавать всю землю,—и свою собственную и арендованную,—ассоціаціямъ безземельныхъ семей сельскихъ рабочихъ для общей обработки, съ запрещеніемъ употреблять наемныхъ рабочихъ и подъ контролемъ общины; пенсій для стариковъ и инвалидовъ, которыя покрывались бы особымъ налогомъ на крупное землевладѣніе.

Для мелкихъ крестьянъ, къ которымъ относятся и арендаторы, программа требуетъ: пріобрѣтенія общинами сельскохозяйственныхъ машинъ для отдачи ихъ, по своей цѣнѣ, въ пользованіе крестьянамъ; учрежденія крестьянскихъ товариществъ для покупки удобренія, дренажныхъ трубъ, сѣмянъ и т. п., и для продажи продуктовъ; уничтоженія налога, взимаемаго при переходѣ изъ однѣхъ рукъ въ другія земельныхъ участковъ, не превышающихъ стоимости 5000 франковъ; посредническихъ судовъ по ирландскому образцу для пониженія слишкомъ высокихъ арендныхъ цѣнъ и вознагражденія уходящихъ арендаторовъ и фермеровъ за производимое ихъ трудомъ повышеніе стоимости земли; уничтоженія 2102 статьи свода гражданскихъ законовъ, которая даетъ землевладѣльцу право наложить запрещеніе на урожай и лишенія кредиторовъ

права брать подъ закладъ хлѣбъ на корню; запрещенія брать въ закладъ полевыя орудія, урожай, сѣмена, удобреніе, рабочій скотъ, однимъ словомъ—все то, что необходимо крестьянину для продолженія его работы; пересмотра давно устарѣвшаго всеобщаго земельнаго кадастра, а пока мѣстнаго пересмотра въ каждой общинѣ; наконецъ, безплатнаго сельскохозяйственнаго средняго образованія и учрежденія сельскохозяйственныкъ опытныхъ станцій.

Мы видимъ, что требованія программы въ интересахъ крестьянъ,—требованій въ пользу рабочихъ мы пока не будемъ касаться здѣсь,—не очень широки. Часть ихъ уже осуществлена въ другихъ мѣстахъ. Для посредническихъ арендныхъ судовъ опредѣленно указывается ирландскій образецъ. Крестьянскія товарищества уже существуютъ въ прирейнской Германіи. Ревизія кадастра есть во всей западной Европѣ горячее, насущное желаніе всѣхъ либераловъ и даже бюрократовъ. Также и остальные пункты программы могутъ быть осуществлены, не нанося существеннаго вреда капиталистическому порядку. Это мы говоримъ только для характеристики программы, но отнюдь не дѣлая ей упрека,—наоборотъ!

Эта программа была такъ хорошо встрѣчена крестьянами въ самыхъ различныхъ частяхъ Франціи, что—по пословицѣ: аппетитъ приходитъ съ ѣдою—наши французскіе товарищи захотѣли еще больше приспособиться ко вкусу крестьянъ. При этомъ партія чувствовала, конечно, что здѣсь она становится на опасный путь. Можно-ли помочь крестьянину,—не какъ будущему пролетарію, но какъ настоящему крестьянину-собственнику,—не нарушая основныхъ принциповъ соціалистической программы? Чтобы устранить это возраженіе, новымъ практическимъ предложеніямъ была предпослана теоретическая мотивировка, пытавшаяся доказать, что въ принципы соціализма входитъ охрана личной крестьянской собственности отъ уничтоженія ея капиталистическимъ способомъ производства, хотя авторы сами ясно понимали, что гибель ея неизбѣжна. Эту то мотивировку, равно какъ и самыя требованія, принятыя въ сентябрѣ нынѣшняго года на Нантскомъ конгрессѣ, мы и хотимъ теперь разсмотрѣть поближе.

Мотивировка начинается такъ:

«Принимая въ соображеніе, что по точному смыслу общей программы партіи, производители могутъ быть свободны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они обладаютъ средствами производства;

«Принимая въ соображеніе, что, хотя въ области промышленности эти средства производства уже до такой степени централизованы, что могутъ быть переданы производителямъ только въ общинной или общественной формѣ; но что это,—по крайней мѣрѣ, въ современной Франціи,—ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ мѣста въ области сельскаго хозяйства, а именно, земля еще въ очень многихъ мѣстахъ является частной собственностью въ рукахъ отдѣльныхъ производителей;

«Принимая въ соображеніе, что хотя это положеніе характеризующееся очень мелкой собственностью, и обречено неминуемо на гибель, такъ какъ задача его состоитъ вѣдь не въ томъ, чтобы отдѣлить собственность отъ труда, но, наоборотъ, въ томъ, чтобы соединить въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ оба эти фактора всякаго производства, раздѣленіе которыхъ ведетъ къ рабству и имѣетъ обращенныхъ въ пролетаріатъ работниковъ;

«Принимая въ соображеніе, что если съ одной стороны обязанность соціализма состоитъ въ томъ, чтобы снова ввести земледѣльческихъ пролетаріевъ во владѣніе крупными имѣніями, — въ общинной или обобществленной формѣ, — послѣ экспропріаціи современныхъ праздныхъ ихъ собственниковъ, то съ другой стороны, онъ не менѣе настоятельно обязанъ также поддерживать мелкую собственность самостоятельно работающихъ крестьянъ противъ налоговъ, ростовщиковъ, и посягательствъ со стороны вновь возникшихъ крупныхъ помѣщиковъ;

«Принимая въ соображеніе, что цѣлесообразно также распространить эту охрану и на тѣхъ производителей, которые подъ именемъ арендаторовъ или фермеровъ обрабатываютъ чужую землю, и которые, въ томъ случаѣ, если они эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ, до нѣкоторой степени вынуждены къ этому эксплуатаціей, тяготѣющей надъ ними самими;

«Рабочая партія,—которая, въ противоположность анархистамъ, въ своемъ преобразованіи общественнаго порядка разсчитываетъ не на увеличеніе и расширеніе нищеты, но ждетъ освобожденія труда и всего общества только отъ организаціи и отъ совмѣстныхъ усилій рабочихъ, сельскихъ и городскихъ, отъ захвата ими управленія и законодательства,— принимаетъ слѣдующую аграрную программу, чтобы посредствомъ ея объединить всѣ элементы селскаго производства и всѣ роды дѣятельности, подъ различными наименованіями, из-

влекающіе пользу изъ національной почвы, для совокупной борьбы противъ общаго врага: феодализма землевладѣнія».

Разсмотримъ поближе эти соображенія.

Прежде всего то положеніе французской программы, что свобода производителя предполагаетъ обладаніе средствами производства, пришлось дополнить другимъ, непосредственно за нимъ слѣдующимъ: что обладаніе средствами производства возможно только въ двухъ формахъ: или въ формѣ единоличнаго владѣнія,—формѣ, которая никогда и нигдѣ не существовала для всѣхъ производителей въ ихъ совокупности и которая съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе невозможной, благодаря промышленному прогрессу;—или же въ видѣ общественнаго владѣнія,—т. е., въ той формѣ, матеріальныя и духовныя начала которой устанавливаются самимъ развитіемъ капиталистическаго общества—что, слѣдовательно, производители должны всѣми зависящими отъ нихъ средствами стремиться къ переходу средствъ производства въ общественную собственность.

Общественное владѣніе средствами производствъ выставлено здѣсь, такимъ образомъ, единственной главной цѣлью. И не только въ области промышленности, гдѣ почва уже подготовлена, но и повсюду,—слѣдовательно, также и въ земледѣліи. Единоличное владѣніе, по смыслу программы, нигдѣ и никогда не существовало для всей совокупности производителей; именно поэтому, а также потому, что промышленный прогрессъ и безъ того ведетъ къ его уничтоженію, соціализмъ нисколько не заинтересованъ въ его поддержкѣ, но очень заинтересованъ въ его устраненіи,—такъ какъ въ той мѣрѣ, въ какой оно существуетъ, оно дѣлаетъ невозможнымъ общественное владѣніе. Если ссылаться на программу, то надо ссылаться на всю программу въ ея цѣломъ, а она значительно измѣняетъ цитированное въ Нантѣ положеніе, обставляя заключающуюся въ немъ историческую истину такими оговорками, при которыхъ она только и можетъ теперь остаться истиной въ западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Единоличное владѣніе средствами производства уже совсѣмъ не даетъ теперь производителямъ истинной свободы. Ремесленники уже раззорены въ городахъ, а въ такихъ большихъ центрахъ, какъ Лондонъ, даже совершенно исчезли и замѣнились крупной промышленностью, sweating system и жалкими кропателями, живущими банкротствами. Самостоятельный мелкій крестьянинъ и не обезпеченъ во владѣніи своимъ клочкомъ земли, и не свободенъ. Какъ самъ онъ, такъ и его домъ, его дворъ, его поле принадлежатъ ростов-

щику; его существованіе менѣе обезпечено, чѣмъ существованіе пролетарія, по крайней мѣрѣ, хоть изрѣдка знающаго спокойные дни, какихъ никогда не выпадаетъ на долю несчастнаго раба задолженности. Вычеркните 2102-ю статью свода гражданскихъ законовъ; обезпечьте крестьянину закономъ неподлежащій залогу инвентарь полевыхъ орудій, рабочаго скота и т. п.,—вы все-таки не избавите его отъ безвыходнаго положенія, когда онъ «добровольно» продаетъ ростовщику и свой скотъ, и самого себя съ душой и тѣломъ, чтобы получить маленькую отсрочку. Ваша попытка оградить собственность мелкаго крестьянина ограждаетъ не его свободу, а только особенную форму его рабства; она продолжаетъ то состояніе, въ которомъ онъ не можетъ ни жить, ни умереть; слѣдовательно, ссылка на первый параграфъ вашей программы здѣсь совершенно неумѣстна.

Мотивировка говоритъ, что въ современной Франціи одно изъ средствъ производства, а именно, земля, въ очень еще многихъ мѣстахъ находится въ единоличномъ владѣніи отдѣльныхъ производителей; задача же соціализма состоитъ не въ томъ, чтобы отдѣлять собственность отъ труда, но, наоборотъ, въ томъ, чтобы соединить оба эти фактора всякаго производства въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Какъ уже было сказано, это послѣднее положеніе, взятое въ такой общей формѣ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признано задачей соціализма; его задача состоитъ только въ передачѣ средствъ производства производителямъ въ видѣ общественной собственности. Какъ только мы упустимъ это изъ виду, то вышеупомянутое положеніе тотчасъ же приведетъ насъ къ той ошибочной мысли, что соціализмъ, будто бы, призванъ превратить современную, мнимую собственность мелкаго крестьянина на его поле въ дѣйствительную, сдѣлать, слѣдовательно, мелкаго арендатора—собственникомъ, обремененнаго долгами владѣльца—свободнымъ отъ долговъ. Соціализмъ, разумѣется, заинтересованъ въ томъ, чтобы эта ложная видимость крестьянской собственности исчезла,—но не этимъ способомъ.

Во всякомъ случаѣ, мы теперь видимъ, что мотивировка программы прямо объявляетъ обязанностью соціализма и даже его настоятельной обязанностью «поддержать мелкую собственность самостоятельно работающихъ крестьянъ противъ налоговъ, ростовщиковъ и вновь возникшихъ крупныхъ помѣщиковъ». Мотивировка вмѣняетъ этимъ въ обязанность соціализму сдѣлать то, что въ предыдущемъ параграфѣ признано невозможнымъ. Она поручаетъ ему «поддержать» мел-

кую собственность, несмотря на то, что сама же она говоритъ, что собственность эта «неминуемо обречена на гибель». Что же иное суть эти налоги, ростовщики и возродившіеся помѣщики, какъ не простыя орудія, которыми капиталистическое производство совершаетъ эту неизбѣжную гибель? Какими средствами соціализмъ долженъ оградить крестьянина отъ этой троицы, мы увидимъ ниже.

Но требуется оградить собственность не только мелкаго крестьянина. «Цѣлесообразно также распространить это огражденіе и на тѣхъ производителей, которые подъ именемъ арендаторовъ или фермеровъ обрабатываютъ чужую землю, и которые, въ томъ случаѣ, если они эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ, до нѣкоторой степени вынуждены къ этому эксплуатаціей, тяготѣющей надъ ними самими». Здѣсь мы переходимъ уже на совершенно иную почву. Соціализмъ спеціально направляется противъ эксплуатаціи наемнаго труда. А здѣсь объявляется настоятельной обязанностью соціализма ограждать французскихъ фермеровъ, «эксплуатирующихъ наемныхъ рабочихъ»—такъ сказано буквально!—и это потому, что они до нѣкоторой степени къ этому вынуждены эксплуатаціей, тяготѣющей надъ ними самими».

Какъ легко и пріятно катиться внизъ, когда попалъ на наклонную площадь! А если крупный или средній нѣмецкій крестьянинъ придетъ къ французскимъ соціалистамъ и попроситъ ихъ похлопотать у совѣта нѣмецкой партіи о томъ, чтобы нѣмецкая соціаль-демократія ограждала его въ его эксплуатаціи батраковъ и батрачекъ, ссылаясь при этомъ, что «его самого эксплуатируютъ» ростовщики, сборщики податей, торговцы хлѣбомъ и скотомъ,—что они отвѣтятъ ему на это? И кто поручится, что наши крупные аграріи не пошлютъ къ нимъ графа Каница (онъ, вѣдь, тоже внесъ подобное ихнему предложеніе о національзаціи хлѣбнаго ввоза), чтобы тоже попросить соціалистическаго покровительства въ ихъ эксплуатаціи сельскихъ рабочихъ, ссылаясь на то, что надъ ними самими тяготѣетъ эксплуатація биржи и хлѣбные и денежные ростовщики?

Спѣшимъ сказать, что наши французскіе друзья разсуждаютъ далеко не такъ плохо, какъ это кажется. Вышесказанный параграфъ относится только къ совершенно исключительному случаю, а именно къ слѣдующему: на сѣверѣ Франціи, какъ и въ нашихъ свекловичныхъ районахъ, крестьянамъ сдается земля съ обязательствомъ разведенія свекловицы и на чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ; они должны

продавать свою свекловицу на опредѣленный заводъ и притомъ по цѣнѣ, назначенной этимъ заводомъ, должны покупать опредѣленныя сѣмена, вкладывать установленное количество опредѣленнаго удобренія, и при всемъ томъ ихъ еще безсовѣстно надуваютъ при пріемкѣ свеклы. Все это мы хорошо знаемъ и въ Германіи. Но если французскіе соціалисты хотѣли взять подъ свое покровительство этотъ сортъ крестьянъ, то нужно было это сказать прямо и опредѣленно. Въ томъ же видѣ, какой имѣетъ этотъ параграфъ, — въ своей неограниченной общности,—онъ является прямымъ нарушеніемъ не только французской программы, но и основныхъ принциповъ соціализма вообще, и составителямъ его нельзя будетъ жаловаться, если эта небрежная редакція будетъ истолкована самыми различными сторонами въ нежелательномъ для нихъ смыслѣ.

Такое же недоразумѣніе могутъ вызвать и заключительныя слова мотивировки, по которымъ соціалистическая рабочая партія имѣетъ своей задачей «объединить всѣ элементы сельскаго производства и всѣ роды дѣятельности, подъ различными наименованіями извлекающими пользу изъ національной почвы, для борьбы противъ общаго врага: феодальнаго землевладѣнія». Я рѣшительно отрицаю, что соціалистическая рабочая партія какой бы то ни было страны имѣетъ своей задачей принимать въ свои нѣдра, кромѣ сельскихъ пролетаріевъ и мелкихъ крестьянъ, еще и среднее и крупное крестьянство или даже арендаторовъ крупныхъ имѣній, капиталистическихъ скотоводовъ и другихъ капиталистическихъ эксплуататоровъ національной почвы. Пусть феодальное землевладѣніе является общимъ для нихъ всѣхъ врагомъ! Мы можемъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ идти съ ними вмѣстѣ, можемъ нѣкоторое время бороться рука объ руку съ ними за какую-нибудь опредѣленную цѣль. Въ нашу же партію мы можемъ, правда, принимать отдѣльныхъ лицъ изъ каждаго общественнаго класса, но ни въ коемъ случаѣ никакія капиталистическія, никакія связанныя общими интересами группы средней буржуазіи или средняго крестьянства. Но и здѣсь дѣло обстоитъ не такъ дурно, какъ кажется; обо всемъ этомъ составители, очевидно, просто не подумали. Къ сожалѣнію, ихъ охватила страсть къ обобщеніямъ, и пусть они не удивляются, если ихъ ловятъ на словѣ.

Послѣ мотивировки слѣдуютъ вновь составленныя добавленія къ программѣ. Въ нихъ замѣтна та же поспѣшность формулировки.

Параграфъ, по которому общины должны пріобрѣтать сельско-хозяйственныя машины и сдавать ихъ по своей цѣнѣ крестьянамъ, видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что, во первыхъ, общины получаютъ для этой цѣли субсидію отъ государства, а во вторыхъ, онѣ должны предоставлять машины въ распоряженіе мелкихъ крестьянъ безплатно. Эта дальнѣйшая уступка отнюдь не принесетъ большой пользы мелкому крестьянину, поля котораго и самый способъ производства мало допускаютъ примѣненіе машинъ.

Далѣе: «Замѣна всѣхъ существующихъ и косвенныхъ налоговъ однимъ прогрессивнымъ налогомъ на всѣ доходы, выше 3000 франковъ». Подобное требованіе уже много лѣтъ встрѣчается почти во всѣхъ соціаль-демократическихъ программахъ. Выставленіе его спеціально въ интересахъ мелкихъ крестьянъ является новостью и доказываетъ только, какъ мало понятно его значеніе. Возьмемъ, напримѣръ, Англію. Тамъ государственный бюджетъ простирается до 90 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Отъ $13^1/_2$ до 14 милліоновъ изъ нихъ доставляютъ налоги на доходы; остальные же 76 милліоновъ получаются отъ обложенія разныхъ сдѣлокъ (почта, телеграфъ, штемпель), въ огромномъ же большинствѣ отъ обложенія народного потребленія, путемъ постояннаго урѣзыванія маленькими, незамѣтными, но собирающимися во многіе милліоны, суммами доходовъ всѣхъ гражданъ, преимущественно же наиболѣе бѣдныхъ. И въ современномъ обществѣ врядъ-ли возможно инымъ способомъ покрыть государственные расходы. Предположимъ, что всѣ эти 90 милліоновъ въ Англіи взимаются прямымъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы въ 120 фунтовъ стерлинговъ=1200 рублей и выше. Среднее годовое накопленіе, ежегодное увеличеніе національнаго богатства Англіи составляло, по Гиффену въ 1865—75 годахъ 240 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Скажемъ, что оно теперь равняется 300 милліонамъ ежегодно; налоговое бремя въ 90 милліоновъ поглотило бы тогда почти треть всего дохода. Иначе говоря, ни одно правительство, кромѣ соціалистическаго не можетъ провести ничего подобнаго. Когда же у кормила правленія станутъ соціалисты, они произведутъ такія измѣненія, при которыхъ эта податная реформа явится временной, совершенно незначительной уплатой въ счетъ долга, а мелкимъ крестьянамъ откроются совершенно иныя преспективы.

Составители, какъ будто и сами догадываются, что крестьянамъ долго придется ждать податной реформы, и поэтому они предлагаютъ имъ «пока»: «уничтоженіе земельнаго нало-

га для всѣхъ самостоятельно работающихъ крестьянъ и уменьшеніе этого налога для всѣхъ заложенныхъ имѣній». Вторая половина этого требованія можетъ относиться только къ болѣе крупнымъ крестьянскимъ участкамъ, которые не могутъ обрабатываться силами одной семьи; слѣдовательно, оно тоже благопріятно тѣмъ крестьянамъ, которые эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ.

Дальше: «Свобода охоты и рыбной ловли, безо всякихъ ограниченій, кромѣ одного только условія—бережнаго отношенія къ дичи, рыбѣ и хлѣбу на корню». Это кажется очень популярнымъ, но вторая часть параграфа уничтожаетъ первую. Сколько зайцевъ, куропатокъ, щукъ и сазановъ приходится уже теперь во всей деревнѣ на каждую крестьянскую семью? Составитъ ли это многимъ больше одного дня охоты и рыбной ловли въ годъ для каждаго крестьянина?

«Пониженіе законнаго и обычнаго процента», — стало быть, новые законы противъ ростовщичества, новая попытка провести полицейскую мѣру, которая въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ всегда и повсюду терпѣла крушеніе. Если мелкій крестьянинъ придетъ въ такое положеніе, когда для него станетъ меньшимъ зломъ обращеніе къ ростовщику, то ростовщикъ всегда найдетъ средство сосать изъ него кровь, не попадая подъ судъ. Это мѣропріятіе могло бы въ лучшемъ случаѣ послужить къ успокоенію мелкаго крестьянина, пользы же это ему не принесетъ; наоборотъ, оно затруднитъ ему кредитъ именно тогда, когда онъ въ немъ будетъ болѣе всего нуждаться. «Безплатная врачебная помощь и доставка лѣкарствъ по своей цѣнѣ»,—это уже во всякомъ случаѣ не спеціально крестьянское требованіе; нѣмецкая программа идетъ дальше и требуетъ также и безплатныхъ лѣкарствъ. «Вознагражденіе семействъ запасныхъ солдатъ въ продолженіе отправленія этими послѣдними срока службы»,—уже существуетъ, хотя и въ крайне неудовлетворительной формѣ, въ Германіи и Австріи и тоже не является спеціально крестьянскимъ требованіемъ. «Пониженіе перевознаго тарифа для удобренія, сельско-хозяйственныхъ машинъ и продуктовъ»—въ главныхъ чертахъ уже проведено въ Германіи, хотя, главнымъ образомъ, въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Немедленныя подготовительныя работы для составленія плана общественныхъ работъ, улучшенія почвы и подъема сельско-хозяйственной промышленности»,—пунктъ этотъ оставляетъ все въ широкой области неопредѣленности и пре-

красныхъ обѣщаній и также прежде всего отвѣчаетъ интересамъ крупнаго землевладѣнія.

Однимъ словомъ, послѣ широковѣщательной теоретической мотивировки, практическія предложенія новой аграрной программы, въ сущности, нисколько не объясняютъ намъ, какимъ образомъ французской рабочей партіи удастся поддержать мелкую собственность мелкаго крестьянина, которая, по ея же собственнымъ словамъ, неминуемо обречена на гибель.

II.

Въ одномъ отношеніи наши французскіе товарищи безусловно правы: противъ воли мелкаго крестьянина во Франціи невозможенъ никакой прочный политическій переворотъ. Только мнѣ кажется, что, для того, чтобы подойти къ крестьянину, они неправильно взялись за дѣло.

Повидимому, они стремятся сразу,—если возможно, то уже во время ближайшихъ общихъ выборовъ,—перетянуть на свою сторону мелкаго крестьянина. Они могутъ надѣяться достигнуть этого только посредствомъ очень смѣлыхъ и широкихъ обѣщаній, для защиты которыхъ они вынуждены будутъ пустить въ ходъ еще гораздо болѣе отважныя теоретическія соображенія. Если же взглянуть поближе, то окажется, что широкія обѣщанія противорѣчатъ сами себѣ (обѣщаніе поддержать такое состояніе, которое тутъ же объявляется неминуемо обреченнымъ на гибель), и что отдѣльныя мѣропріятія или совершенно не могутъ имѣть практическаго дѣйствія (законы о ростовщичествѣ), или являются общими требованіями рабочихъ, или же такими, которыя благопріятствуютъ и крупному землевладѣнію, или, наконецъ, такими, значеніе которыхъ для мелкаго крестьянина очень невелико, такъ что чисто практическая часть программы сама исправляетъ ошибочное вступленіе и приводитъ громкія, страшныя на видъ, слова къ самымъ невиннымъ, въ дѣйствительности, мѣропріятіямъ.

Скажемъ прямо: при тѣхъ предразсудкахъ, которые создаются всѣмъ экономическимъ положеніемъ крестьянина, его воспитаніемъ, его изолированнымъ образомъ жизни, и которые поддерживаются буржуазной прессой и крупными землевладѣльцами, мы можемъ только въ томъ случаѣ сразу перетянуть на свою сторону массу мелкихъ крестьянъ, если мы имъ пообѣщаемъ нѣчто такое, чего мы завѣдомо не въ состояніи сдержать. А именно, мы должны имъ обѣщать не

только охранять при всякихъ обстоятельствахъ ихъ имущества противъ наступающихъ на нихъ экономическихъ силъ, но также и освободить ихъ отъ тяготѣющаго уже теперь надъ ними бремени: превратить арендатора въ свободнаго собственника, а собственнику заплатить долги. Если бы мы были въ состояніи сдѣлать это, то мы опять пришли бы туда, откуда снова необходимо развилось бы современное положеніе. Мы не освободили бы крестьянина, мы только отсрочили бы на короткое время его гибель.

Но не въ нашихъ интересахъ немедленное привлеченіе крестьянина, который завтра же отвернулся бы отъ насъ, если бы мы оказались не въ состояніи сдержать свои обѣщанія. Крестьянина, который ждетъ отъ насъ, чтобы мы увѣковѣчили ему его крошечную собственность, мы не можемъ считать своимъ партійнымъ товарищемъ точно такъ же, какъ и мелкаго ремесленника, который хочетъ навсегда остаться мастеромъ. Эти люди принадлежатъ антисемитамъ; пусть они идутъ къ нимъ за обѣщаніемъ спасти ихъ мелкое производство. Когда же они тамъ узнаютъ, что кроется подъ ихъ блестящими фразами и какія мелодіи наигрываютъ тѣ трубы, звуками которыхъ оглашаются антисемитскія небеса, тогда они все болѣе и болѣе будутъ убѣждаться, что мы—обѣщающіе меньше и ищущіе спасенія совсѣмъ въ другой сторонѣ,—что мы все таки болѣе надежные люди. Если бы французамъ пришлось, какъ намъ, столкнуться съ шумной антисемитской демагогіей, то, вѣроятно, они не сдѣлали бы нантской ошибки.

Каково же наше отношеніе къ мелкому крестьянству?

Во-первыхъ, безусловно правильно слѣдующее положеніе французской программы: мы заранѣе предвидимъ неизбѣжную гибель мелкаго крестьянина, но ни въ коемъ случаѣ не призваны ускорять ее какимъ-нибудь вмѣшательствомъ съ нашей стороны. А, во-вторыхъ, точно такъ же очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будемъ думать о томъ, чтобы насильно экспропріировать мелкихъ крестьянъ (съ вознагражденіемъ или нѣтъ,—это безразлично), какъ это мы вынуждены будемъ сдѣлать съ крупными землевладѣльцами. Наша задача по отношенію къ мелкимъ крестьянамъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы ихъ частное производство и частную собственность перевести въ товарищескую, но не насильно, а посредствомъ примѣра и предложенія общественной помощи для этой цѣли. И тогда у насъ, разумѣется, будетъ достаточно средствъ, чтобы предоставить крестьянину всѣ

преимущества, которыя и теперь уже должны быть ему разъяснены.

Уже почти 20 лѣтъ тому назадъ датскіе соціалисты, въ отечествѣ которыхъ имѣется, собственно, одинъ только городъ—Копенгагенъ—и которымъ, слѣдовательно, внѣ его пришлось имѣть дѣло почти съ одной только крестьянской пропагандой, выработали подобные же планы. Крестьяне одной деревни или одного прихода,—въ Даніи много отдѣльныхъ большихъ крестьянскихъ дворовъ,—должны соединить всю свою землю въ одно большое имѣніе, обрабатывая его за общій счетъ, и потомъ дѣлить прибыль пропорціонально вложеннымъ кускамъ земли, денежнымъ вкладамъ и количеству работы. Въ Даніи мелкое землевладѣніе играетъ второстепенную роль. Но если мы перенесемъ эту же идею въ страну мелкихъ участковъ, то окажется, что при соединеніи мелкихъ клочковъ земли и общей обработкѣ всей ихъ поверхности, часть занятыхъ до сихъ поръ рабочихъ силъ будетъ излишней; въ этомъ то сбереженіи труда и состоятъ главныя преимущества крупнаго производства. Для этихъ рабочихъ силъ можно найти занятіе двумя путями. Или предоставить крестьянскому товариществу въ распоряженіе обширныя пространства земли изъ сосѣднихъ крупныхъ имѣній; или же дать имъ средства и возможность подсобной промышленной работы, по возможности и преимущественно, для своего собственнаго употребленія. Въ обоихъ случаяхъ они будутъ поставлены въ лучшее экономическое положеніе, и въ то же время органъ, завѣдующій дѣлами всего общества въ его цѣломъ, будетъ имѣть на нихъ вліяніе, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму и сравнять въ правахъ и обязанностяхъ, какъ все товарищество во всемъ его цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ его членовъ съ остальными развѣтвленіями соціалистическаго общества. Выполненіе этого, въ частностяхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ данныхъ обстоятельствъ и отъ тѣхъ условій, при которыхъ мы вступимъ въ обладаніе общественной властью. Такъ, возможно, что мы будемъ въ состояніи предложить товариществамъ еще большія преимущества: принятіе на себя національнымъ банкомъ всего ихъ гипотечнаго долга съ сильнымъ пониженіемъ процента, пособіе изъ общественныхъ средствъ для устройства крупнаго производства (пособіе не непремѣнно или преимущественно деньгами, но также и необходимыми продуктами: машинами, искусственнымъ удобреніемъ и т. п.) и разныя другія выгоды.

Главное дѣло тутъ въ томъ, чтобы выяснить крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можемъ, только превративъ ихъ въ товарищескую собственность и товарищеское производство. Именно, единоличное хозяйство, обусловленное единоличной собственностью и ведетъ крестьянина къ гибели. Если онъ будетъ настаивать на своемъ единоличномъ хозяйствѣ, то неминуемо потеряетъ и землю и дворъ, такъ какъ крупное капиталистическое хозяйство вытѣснитъ его устарѣвшій способъ производства. Такъ теперь обстоитъ дѣло; и вотъ являемся мы и даемъ крестьянамъ возможность ввести самимъ крупное производство не за капиталистическій, а за свой счетъ, собственный и общій. Неужели нельзя дать понять крестьянамъ, что это въ ихъ собственныхъ интересахъ, что это единственное средство спасенія?

Мы никогда не можемъ обѣщать мелкимъ крестьянамъ поддержать ихъ единоличное хозяйство и единоличную собственность противъ превосходныхъ силъ капиталистическаго производства. Мы можемъ обѣщать имъ только, что не будемъ противъ ихъ воли силой вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя отношенія. Далѣе, мы можемъ также вступиться и за то, чтобы борьба капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ противъ мелкаго крестьянства уже и теперь велась какъ можно менѣе несправедливыми средствами, и возможно больше мѣшать прямому грабежу и мошенничеству, которые случаются слишкомъ часто. Но удаваться это будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. При развившемся капиталистическомъ способѣ производства никто не знаетъ, гдѣ кончается честное веденіе дѣла и гдѣ начинается мошенничество. Но, во всякомъ случаѣ, будетъ значительная разница, станетъ ли общественная власть на сторону мошенника, или на сторону лицъ, страдающихъ отъ мошенничества. А мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина; мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы ему было сноснѣе жить, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, въ случаѣ, если онъ на это рѣшится; въ томъ же случаѣ, если онъ еще не будетъ въ состояніи принять это рѣшеніе, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать объ этомъ на своемъ клочкѣ. Мы будемъ поступать такъ не только потому, что считаемъ возможнымъ переходъ на нашу сторону самостоятельно работающаго мелкаго крестьянина, но также и изъ непосредственныхъ партійныхъ интересовъ. Чѣмъ больше будетъ число крестьянъ, которымъ мы не да-

димъ спуститься до пролетаріевъ и которыхъ мы привлечемъ на свою сторону еще крестьянами, тѣмъ быстрѣе и легче совершится общественное преобразованіе. Намъ было бы безполезно ожидать съ этимъ преобразованіемъ того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своихъ крайнихъ послѣдствій, когда послѣдній мелкій ремесленникъ и послѣдній мелкій крестьянинъ падутъ жертвами крупнаго производства. Матеріальныя жертвы, которыя придется принести въ этомъ смыслѣ въ интересахъ крестьянъ изъ общественныхъ средствъ, съ точки зрѣнія капиталистической экономики могутъ показаться выброшенными деньгами, а, между тѣмъ, это—прекрасное употребленіе капитала, потому что они сберегутъ, можетъ быть, въ десять разъ большія суммы при расходахъ на общественное преобразованіе въ его цѣломъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ, слѣдовательно, быть очень щедрыми по отношенію къ крестьянамъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности и дѣлать опредѣленныя предложенія въ этомъ направленіи; мы можемъ говорить здѣсь только въ самыхъ общихъ, основныхъ чертахъ.

Итакъ, мы не можемъ, значитъ, оказать болѣе плохую услугу не только партіи, но и самому мелкому крестьянину, обѣщая ему и вызывая у него хотя бы лучъ надежды, что мы будемъ стремиться надолго сохранить его мелкую собственность. Это значило бы прямо закрыть путь крестьянину къ его освобожденію и унизить партію до уровня антисемитизма. Наоборотъ. Наша партія обязана все болѣе и болѣе выяснять крестьянамъ, что ихъ положеніе совершенно безнадежно, пока господствуетъ капитализмъ, и что спасти ихъ мелкую собственность, какъ таковую, совершенно невозможно; она обязана внушить имъ полную увѣренность въ томъ, что капиталистическое крупное производство раздавитъ ихъ устарѣвшее мелкое хозяйство съ такой же легкостью, съ какой поѣздъ желѣзной дороги раздавилъ бы ихъ тачку. Поступая такъ, мы будемъ дѣйствовать въ смыслѣ неизбѣжнаго экономическаго развитія, которое само собою уже подготовитъ крестьянскія головы для нашей проповѣди.

Впрочемъ, я не могу оставить этотъ вопросъ, не высказавъ того глубокаго убѣжденія, что и составители нантской программы въ существенномъ придерживаются однихъ со мною взглядовъ. Они слишкомъ проницательны, чтобы не понимать, что и раздѣленная теперь на маленькіе отдѣльные клочки земля должна перейти въ общее пользованіе. Они сами соглашаются, что мелкая собственность осуждена на исчезновеніе.

Составленный Лафаргомъ докладъ Національнаго Совѣта на нантскій конгрессъ тоже вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ. По нѣмецки онъ опубликованъ въ берлинскомъ «Соціаль-демократѣ» 18 октября этого года. Уже самая противорѣчивость выраженій нантской программы показываетъ, что составители ея говорятъ, на самомъ дѣлѣ, не то, что хотятъ сказать. Конечно, если ихъ не поймутъ и станутъ злоупотреблять ихъ заявленіями,—какъ это въ дѣйствительности уже и случилось,—то въ этомъ, разумѣется, ихъ собственная вина. Во всякомъ случаѣ, имъ нужно подробнѣе разъяснить свою программу, и слѣдующему французскому конгрессу придется основательно ее пересмотрѣть.

Перейдемъ теперь къ болѣе крупнымъ крестьянамъ. Здѣсь мы видимъ, главнымъ образомъ, благодаря наслѣдственнымъ раздѣламъ, но также и вслѣдствіе задолженности и аукціонной продажи земель, цѣлый рядъ переходныхъ ступеней отъ самаго мелкаго собственника до крупнаго крестьянина, сохранившаго весь свой старый участокъ и имѣющаго даже сверхъ того. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ средній крестьянинъ живетъ среди мелкихъ, онъ не отличается отъ нихъ существенно своими интересами и своими воззрѣніями; его собственный опытъ долженъ ему сказать, сколько равныхъ ему крестьянъ спустилось до мелкихъ. Тамъ же, гдѣ преобладаютъ средніе и крупные крестьяне, и веденіе хозяйствъ требуетъ, вообще говоря, помощи батраковъ и батрачекъ, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Рабочая партія, разумѣется, прежде всего должна имѣть въ виду интересы наемныхъ рабочихъ, т. е., батраковъ, батрачекъ и поденщиковъ: уже потому ей невозможно дѣлать крестьянамъ какія либо обѣщанія, которыя включаютъ продолженіе наемнаго рабства для рабочихъ. Но пока будутъ существовать крупные и средніе крестьяне, какъ таковые, они будутъ не въ состояніи обойтись безъ наемныхъ рабочихъ. И если съ нашей стороны было бы просто нелѣпо давать мелкимъ крестьянамъ надежду на продолженіе ихъ существованія, какъ таковыхъ, то обѣщать это крупнымъ и среднимъ крестьянамъ граничило бы прямо съ измѣной.

Мы можемъ провести здѣсь опять параллель съ городскими ремесленниками. Хотя они еще болѣе подверглись раззоренію, чѣмъ крестьяне, но все таки между ними найдутся такіе, у которыхъ, наряду съ учениками, работаютъ и подмастерья, или у которыхъ ученики дѣлаютъ работу помастерьевъ. Тѣ изъ этихъ ремесленниковъ, которые хотятъ навсегда остаться таковыми, пусть идутъ къ антисемитамъ, пока не убѣ-

дятся, что и тамъ имъ не помогутъ. Остальные же, которые видятъ неизбѣжную гибель своего способа производства, пусть идутъ къ намъ, но пусть они будутъ также готовы раздѣлить въ будущемъ судьбу, предстоящую и всѣмъ остальнымъ рабочимъ. То же и съ крупными и средними крестьянами. Ихъ батраки, батрачки и поденщики интересуютъ насъ, разумѣется, гораздо больше, чѣмъ они. Если эти крестьяне хотятъ, чтобы мы гарантировали имъ продолженіе ихъ хозяйства, то мы безусловно не можемъ имъ это предложить. Въ этомъ случаѣ ихъ мѣсто—среди антисемитовъ и другихъ подобныхъ партій, которыя съ удовольствіемъ обѣщаютъ все, чтобы не исполнить ничего. Мы имѣемъ твердое экономическое убѣжденіе въ томъ, что крупный и средній крестьянинъ долженъ неминуемо погибнуть отъ конкурренціи капиталистическаго хозяйства и дешеваго заокеанскаго производства зерна—какъ на это указываетъ все возрастающая задолженность и повсемѣстно очевидный упадокъ также и этихъ крестьянъ. Противъ этого упадка мы ничего не можемъ сдѣлать, кромѣ, развѣ, того, чтобы рекомендовать и здѣсь соединеніе хозяйствъ въ товарищества, въ средѣ которыхъ эксплуатація наемнаго труда могла бы все болѣе и болѣе уменьшаться и которыя могли бы постепенно стать вѣтвями великаго производительнаго національнаго товарищества съ равными правами и обязанностями. Если эти крестьяне не поймутъ неизбѣжности ихъ теперешняго способа производства и сдѣлать изъ этого необходимые выводы, то пусть они идутъ къ намъ, и нашей обязанностью будетъ посильно облегчить также и имъ переходъ въ новую форму производства. Въ противномъ случаѣ мы должны ихъ предоставить ихъ собственной судьбѣ и обратиться къ ихъ наемнымъ рабочимъ, у которыхъ мы найдемъ сочувствіе. Отъ насильственной экспропріаціи мы, по всей вѣроятности, удержимся и здѣсь, но, впрочемъ, будемъ надѣяться на то, что экономическое развитіе сдѣлаетъ болѣе доступнымъ благоразумію и эти крѣпкія головы.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло только съ крупнымъ землевладѣніемъ. Здѣсь передъ нами ничѣмъ не прикрытое капиталистическое производство, и въ этомъ случаѣ у насъ уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Здѣсь мы встрѣчаемъ массовой сельскій пролетаріатъ, и задача наша ясна. Мы отнюдь не считаемъ недопустимымъ выкупъ. Марксъ высказывалъ мнѣ не разъ свое мнѣніе, что дѣло обошлось бы дешевле всего, еслибы мы могли откупиться отъ всей этой банды. Однако, это здѣсь насъ не касается. Возвращенныя, такимъ

образомъ, обществу крупныя имѣнія мы предоставимъ обрабатывающимъ ихъ въ настоящее время и организующимся въ товарищества сельскимъ рабочимъ въ пользованіе подъ контролемъ общества,—на какихъ условіяхъ, это теперь нельзя еще сказать опредѣленно. Во всякомъ случаѣ, превращеніе капиталистическаго производства въ общественное здѣсь уже вполнѣ подготовлено и можетъ произойти въ одинъ день, совершенно такъ же какъ на заводѣ господина Круппа или на заводѣ господина фонъ-Штумма. И примѣръ этихъ земледѣльческихъ товариществъ убѣдитъ и послѣднихъ еще сопротивляющихся, мелкихъ крестьянъ, а, вѣроятно, и нѣкоторыхъ крупныхъ, въ преимуществахъ товарищескаго крупнаго производства.

Здѣсь, слѣдовательно, мы можемъ открыть сельскимъ пролетаріямъ такія же блестящія перспективы, которыя сіяютъ и передъ глазами промышленныхъ рабочихъ. Поэтому, привлеченіе на нашу сторону сельскихъ рабочихъ восточной Пруссіи есть для насъ вопросъ времени и даже очень короткаго. Если же сельскіе рабочіе восточной Германіи будутъ съ нами, то по всей нашей странѣ тотчасъ же станетъ другой вѣтеръ. Фактически полу-крѣпостное состояніе восточныхъ сельскихъ рабочихъ есть главное основаніе господства прусскихъ юнкеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и специфическаго прусскаго господства въ Германіи. Именно юнкера восточной Пруссіи—все болѣе и болѣе впадающіе въ задолженность, бѣднѣющіе и паразитствующіе на государственный и на частный счетъ, и вслѣдствіе всего этого тѣмъ сильнѣе цѣпляющіеся за свое господство—создали и поддерживаютъ специфически прусскій характеръ бюрократіи и офицерства въ арміи; ихъ высокомѣріе, ограниченность и заносчивость сдѣлали прусское государство,—при всей очевидности нынѣшней его неизбѣжности, какъ единственой, достижимой теперь формы національнаго единства,—такимъ ненавистнымъ въ нѣмецкомъ отечествѣ и, несмотря на свои блестящія побѣды, такъ мало уважаемымъ заграницей. Сила этихъ юнкеровъ основывается на томъ, что въ сплошной области семи старо-прусскихъ провинцій,—т. е., почти въ цѣлой трети всего государства, — они имѣютъ въ своемъ распоряженіи земельную собственность, влекущую здѣсь за собой общественную и политическую власть и даже не одну только земельную собственность, но, посредствомъ свеклосахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ, также и всю крупную промышленность въ этой области. Ни крупные землевладѣльцы, ни крупные промышленники остальной Германіи не поставлены въ такое благопріятное положеніе; ни тѣ, ни другіе

не имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлаго королевства. Они разсѣяны на обширномъ пространствѣ и конкуррируютъ, какъ между собою, такъ и съ остальными ихъ окружающими общественными элементами за экономическую и политическую власть. Но это привиллегированное положеніе прусскихъ юнкеровъ все болѣе и болѣе теряетъ свое экономическое основаніе. Задолженность и обѣднѣніе, несмотря на всю государственную поддержку (а со времени Фридриха II она входитъ въ каждый нормальный юнкерскій бюджетъ), неудержимо распространяются здѣсь; только освященное законодательствомъ и обычаемъ фактическое полу-крѣпостничество и возможная, благодаря этому, безграничная эксплуатація сельскихъ рабочихъ держитъ еще надъ водою утопающее юнкерство. Но поэтому-то привлеченіе на нашу сторону сельскихъ пролетаріевъ восточной Пруссіи гораздо болѣе важно, чѣмъ присоединеніе къ намъ западно-германскихъ мелкихъ крестьянъ, или даже южно-германскихъ среднихъ крестьянъ. Здѣсь, въ восточной Пруссіи, лежитъ поле нашей рѣшительной битвы, и поэтому правительство и юнкерство примутъ всѣ мѣры, чтобы преградить намъ туда доступъ.

Приложеніе.

(Изъ предисловія къ книгѣ: «Der deutsche Bauernkrieg»).

Мелкіе крестьяне, — крупные, разумѣется, принадлежатъ къ буржуазіи,—дѣлятся на нѣсколько разрядовъ. Одни изъ нихъ— помѣщичьи крестьяне, которые еще отправляютъ барщину своему господину. Послѣ того, какъ буржуазія не исполнила своей обязанности по отношенію къ нимъ и не освободила ихъ отъ крѣпостной зависимости, ихъ не трудно будетъ убѣдить въ томъ, что они могутъ ждать своего освобожденія только отъ рабочаго класса. Другіе—арендаторы. Въ этомъ случаѣ существуютъ, большей частью, такія же отношенія, какъ и въ Ирландіи. Арендная плата такъ высока, что крестьянинъ не можетъ еще существовать съ семьей при среднихъ урожаяхъ; въ неурожайные же годы онъ чуть не умираетъ съ голоду, не можетъ выплачивать аренду и, благодаря этому, попадаетъ въ полную зависимость отъ землевладѣльца. Для этихъ крестьянъ буржуазія только тогда что нибудь сдѣлаетъ, когда ее къ тому принудятъ. Отъ кого же ждать имъ спасенія, если не отъ рабочихъ?!

Остаются, наконецъ, такіе крестьяне, которые ведутъ хозяйство на своемъ собственномъ маленькомъ клочкѣ земли. Эти, по большей части, такъ обременены ипотечными долгами, что они въ той же мѣрѣ зависятъ отъ ростовщиковъ, какъ и арендаторы отъ землевладѣльцевъ. И имъ также остается за трудъ только очень скудная и, кромѣ того, благодаря неодинаковости урожаевъ, въ высшей степени непостоянная заработная плата. Они меньше всего могутъ ждать чего-либо отъ буржуазіи, такъ какъ именно буржуазія, ростовщическій капиталъ, и эксплуатируетъ ихъ. Однако, они, большей частью, очень крѣпко цѣпляются за свою собственность, хотя, въ дѣйствительности, она принадлежитъ уже не имъ, а ростовщикамъ. Но имъ все таки нужно выяснить, что они только тогда могутъ быть освобождены отъ ростовщиковъ, когда зависимое отъ народа правительство обратитъ всѣ ипотечные долги въ одинъ долгъ государству и тѣмъ понизитъ размѣръ процента. А этого можетъ добиться только рабочій классъ.

Повсюду, гдѣ царитъ среднее и крупное землевладѣніе, сельскіе поденщики составляютъ самый многочисленный классъ въ деревняхъ. Такъ обстоитъ дѣло во всей сѣверной и восточной Германіи, и здѣсь-то многочисленные городскіе рабочіе и встрѣчаютъ самыхъ многочисленныхъ и самыхъ естественныхъ своихъ союзниковъ. Землевладѣлецъ или крупный арендаторъ стоитъ совершенно въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ сельскому батраку, какъ капиталистъ къ промышленному рабочему. Тѣ же самыя мѣропріятія, которыя помогаютъ одному, должны помочь и другому. Промышленные рабочіе могутъ только тогда освободить себя, когда они обратятъ капиталъ буржуазіи,—т. е., сырой матеріалъ, машины, орудія и всѣ запасы, необходимые для производства,—въ общественную, т. е., въ свою собственность, которой они будутъ пользоваться сообща. Точно также и сельскіе рабочіе только тогда могутъ избавиться отъ своей ужасной нищеты, когда ихъ главное орудіе труда, т. е., сама земля, будетъ изъято изъ частной собственности крупныхъ крестьянъ или еще болѣе крупныхъ помѣщиковъ, перейдетъ въ общественную собственность и будетъ обрабатываться товариществами сельскихъ рабочихъ въ ихъ общую пользу. Здѣсь мы подходимъ къ знаменитому рѣшенію Базельскаго международнаго рабочаго конгресса, что обществу выгодно обратить землевладѣніе въ общую національную собственность. Это рѣшеніе было составлено, главнымъ образомъ, для тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ крупное землевладѣніе, а въ связи съ нимъ и крупныя хозяйства въ большихъ имѣніяхъ, а въ этихъ большихъ имѣніяхъ—одинъ хозяинъ и множество рабочихъ. Такое положеніе, въ общемъ, все еще преобладаетъ въ Германіи, и поэтому рѣшеніе конгресса, послѣ Англіи, въ высшей степени своевременно именно для Германіи. Земледѣльческій пролетаріатъ, сельскіе батраки, это—какъ разъ тотъ классъ, изъ котораго набирается главная масса армій различныхъ государей. Это—какъ разъ тотъ классъ, который, въ силу всеобщаго избирательнаго права, посылаетъ теперь въ парламентъ множество помѣщиковъ и юнкеровъ, но это также и тотъ классъ, который ближе всего стоитъ къ городскимъ рабочимъ, который дѣлитъ съ ними одни и тѣ же условія жизни и который даже еще больше задавленъ нищетой. Оживить этотъ классъ, безсильный теперь, благодаря своей разсѣянности и разрозненности, но скрытая сила котораго такъ хорошо извѣстна правительству и дворянству, что они намѣренно ухудшаютъ народную школу только затѣмъ, чтобы онъ оставался невѣжественнымъ,—вовлечь этотъ классъ въ движеніе есть ближайшая и самая настоятельная задача нѣмецкаго рабочаго движенія. Съ того дня, какъ масса сельскихъ рабочихъ научится понимать свои интересы,—въ Германіи станетъ невозможнымъ реакціонное, феодальное, бюрократическое или буржуазное правительство.

Изданія книгоиздательства „Буревѣстникъ“:

Экономическое ученіе Карла Маркса въ общедоступномъ изложеніи **К. Каутскаго. Полный** переводъ. 2-е изд. Ц. 30 к.

Карлъ Каутскій. Пролетаріатъ и общественный строй. Комментарій къ положеніямъ, принятымъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ въ 1891 г. 2-е изд.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. О коммунизмѣ. Съ предисловіями авторовъ и **Г. Плеханова.** Ц. 20 к.

К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1871). Съ предисловіемъ **Ф. Энгельса.** Перев. съ нѣм. подъ ред. Ленина. 2-е изд. Ц. 15 к.

Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Переводъ В. Перовой подъ ред. и съ пред. **Г. Плеханова.** Ц. 15 к.

Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Съ предислов. **Эд. Бернштейна.** 2-е изд. Ц. 6 к.

Ф. Лассаль. О программѣ работниковъ. Ц. 10 к.

Ф. Лассаль. Гласный отвѣтъ Центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго конгресса въ Лейпцигѣ. Съ предисловіемъ **Эд. Бернштейна.**

А. Бебель. Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. 3-е изд. Ц. 8 к.

А. Бебель. О Бернштейнѣ. 2-е изд. Ц. 15 к.

В. Браке. Долой соціальдемократовъ! Переводъ съ нѣмецкаго д-ра И. Аксельродъ. Ц. 8 к.

Л. Аксельродъ (Ортодоксъ). О „Проблемахъ идеализма“. Ц. 15 к.

Н. Ленинъ. Аграрный вопросъ и „критики“ Маркса.

Ж. Гэдъ. Коллективизмъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 6 к.

М. Шиппель. Профессіональные союзы рабочихъ. Пер. съ нѣм. Ц. 15 к.

Вильгельмъ Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ могилы Маркса. Ц. 20 к.

В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность. Очеркъ **К. Эйснера.** Съ портретомъ Либкнехта. Ц. 20 к.

Съ требованіями адресоваться:

Одесса, книгоиздательство „Буревѣстникъ“.

Отдѣленіе склада для С.-Петербурга: книжный магазинъ **„Право“**, Загородный пер., 2.

Отдѣленіе склада для Москвы: книжный магазинъ **„Трудъ“** Тверская ул.

На мелкіе заказы просятъ прилагать марки, присчитывая на каждый рубль заказа 25 коп. на пересылку. Выписывающіе изъ склада на три рубля и больше за пересылку не платятъ. Наложеннымъ платежемъ не высылается.

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 20376 2262